

© 1995 г. Ю.Д. АПРЕСЯН

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ*

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Человеком на протяжении сотен лет занимались физиологи, психологи, философы и лингвисты, не говоря о социологах. Только в последние два – три десятилетия вышли десятки книг и сотни статей, посвященных его мыслям, желаниям, чувствам и речевым актам. Ни учесть эту литературу, ни хотя бы назвать ее в этой статье нет никакой возможности. Поэтому ограничимся ссылками на книги [1, с. 93–111, 2, с. 101–199, 3–5] и обзор [6], содержащие обширную библиографию.

Из предшествующих исследований выделим лишь несколько наиболее нам близких. Это прежде всего ранние работы Московской семантической школы [7–12], а также уже упоминавшиеся книги Анны Вежибской и Н.Д. Арутюновой. В частности, излагаемые здесь представления об "устройстве человека" имеют много общего с тем, что говорится в [2] о перцептивном, ментальном, эмотивном и волевом "модусах", их разновидностях и взаимопроникновении. Однако запротоколировать все такие сходства, равно как не менее многочисленные различия и в общих идеях, и в конкретных оценках языковых фактов в рамках журнальной статьи было бы невозможно. Разумнее объяснить, зачем понадобилась еще одна работа по вопросу, и без того имеющему огромную литературу, и чем эта работа отличается от прочих. Назовем четыре отличия.

1. "Образ человека" реконструируется исключительно на основании языковых данных. Мы в максимальной мере стремились к тому, чтобы это была именно "языковая" (а, например, не литературная, не общесемиотическая или общекультурная, не философская) картина человека.

2. Реконструкция каждого фрагмента картины считалась мотивированной только тогда, когда реконструированный фрагмент подтверждался не разрозненными данными, а большой совокупностью фактов, позволявших построить цельный и непротиворечивый образ какого-то объекта. Реконструкции типа 'время мыслится как жидкость' (потому что оно *течет*), 'как эластичная вещь' (потому что оно *тянется*), 'как ценная вещь' (потому что его можно *тратить*), 'как летающее существо' (ср. *Время летит*), 'как человек' (ср. *Время торопит <не ждет>*) и т.п. (см. [13, с. 101 и сл.]) не допускались.

3. Язык, на котором фиксируется картина человека, – это в той или иной мере язык толкований; он считается наиболее ясным и формализованным языком современной семантики (о последней версии этого языка см. [14]).

4. Вся работа была предпринята с одной целью – подвести теоретический фунда-

* Данная работа стала возможной в результате присуждения автору премии Фонда А. Гумбольдта и приглашения на кафедру проф. П. Хельвига в Гейдельбергский университет. Автор благодарит коллег из Фонда и проф. П. Хельвига за идеальные условия работы. Автор считает своим приятным долгом поблагодарить также В.Ю. Апресян, М.Я. Гловинскую, Л.Л. Иомдина, Л.Н. Иорданскую и И.А. Мельчука, которые прочитали рукопись данной статьи и сделали ценные критические замечания, и участников семинара Н.Д. Арутюновой, на котором эта работа была доложена.

мент под системную лексикографию и, более конкретно, под новый объяснительный словарь синонимов русского языка (см. о нем [15–16], ср. также [17]), который составляется под руководством автора в Институте русского языка РАН. Главным понятием системной лексикографии является понятие лексикографического типа – группы лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство (семантическое, прагматическое, коммуникативное, синтаксическое, сочетаемостное, морфологическое, просодическое и т.п.), к которому обращаются одни и те же правила лингвистического описания ("грамматики" в широком смысле) и которое требует поэтому единообразного описания в словаре. Не имея возможности предложить перечень лексикографических типов для всего русского языка, мы решили начать эту работу с наиболее важного его участка, каким, безусловно, является лексика, описывающая человека.

В соответствии со сказанным в данной статье сначала рассматривается общая идея "наивной", или языковой картины мира (раздел 2). Затем предлагается реконструкция образа человека как важнейшего ее фрагмента (раздел 3) и дается более подробный разбор одной из восьми систем человека, а именно, его эмоциональной системы (раздел 4). В последнем, пятом разделе дается набросок общей схемы характеристики человека как основы системной лексикографии. На этом материале мы пытаемся продемонстрировать связь между положениями лингвистической теории и принципами описания лексикографических типов в толковых и синонимических словарях.

2. НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА

Не предпринимая экскурса в историю вопроса (В. Гумбольдт и неогумбольдтианство, американская этнолингвистика, гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, теория семантических полей и т.п.), мы коротко охарактеризуем его современное состояние.

Исследование наивной картины мира идет в двух основных направлениях.

Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингво-культурные изоглоссы и пучки изоглосс (см., например, [18–25]). Это прежде всего "стереотипы" языкового и более широкого культурного сознания; ср. типично русские концепты *душа, тоска, судьба* [22], *задушевность, удаль, воля (вольная), поле (чистое), даль, авось* [23, с. 117 и сл.]. С другой стороны, это специфические коннотации неспецифичных концептов; ср., например, многократно описанную символику цветообозначений в разных культурах¹

Во-вторых, ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и "наивного", донаучного взгляда на мир. Развивая метафору лингвистической географии, можно было бы сказать, что исследуются не отдельные изоглоссы или пучки изоглосс, а диалект в целом. Хотя национальная специфика и здесь учитывается со всей возможной полнотой, акцент ставится именно на цельной языковой картине мира. Ниже мы тезисно суммируем основные положения этого подхода, поскольку только он будет интересовать нас в дальнейшем.

1. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и

¹ В [26, с. 17] приводятся любопытные данные о различиях в культурных ассоциациях и реакциях на тот или иной цвет, экспериментально установленные при эксплуатации компьютеров с цветными экранами. Красный в США – опасность, во Франции – аристократия, в Египте – смерть, в Индии – жизнь и творчество, в Японии – гнев и опасность, в Китае – счастье, голубой в США – мужественность, во Франции – свобода и мир, в Египте – вера, добродетель и истина, в Японии – подлость, в Китае – небо и облака, зеленый в США – безопасность, во Франции – преступление, в Египте – плодородие и сила, в Индии – плодородие и процветание, в Японии – будущее, юность и энергия, в Китае – династия Мин, небо и облака, желтый в США – трусость, во Франции – временность, в Египте – счастье и процветание, в Индии – успех, в Японии – грация и благородство, в Китае – рождение, богатство и власть, белый в США – чистота, во Франции – нейтральность, в Египте – радость, в Индии – смерть и чистота, в Японии – смерть, в Китае – смерть и чистота. Эти культурные различия в реакциях на цвет настолько важны, что их приходится учитывать при конструировании экранов компьютеров, предназначенных для использования в различных обществах Запада и Востока

организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Когда-то грамматические значения противопоставлялись лексическим как подлежащие обязательному выражению, независимо от того, важны они для существования конкретного сообщения или нет. В последние десятилетия было обнаружено, что многие элементы лексических значений тоже выражаются в обязательном порядке.

2. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

3. С другой стороны, он "наивен" в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир.

4. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени (ср., например, вполне релятивистские, хотя и донаучные понятия пространства и времени говорящего и понятие наблюдателя – см. [27]), наивную этику, наивную психологию и т.п. Так, из анализа пар слов типа *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хвалиться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *смеяться* (над кем-л) и *глумиться*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *распоряжаться* и *помыкать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, *критиковать* и *чернить*, *добиваться* и *домогаться*, *показывать* (свою храбрость) и *рисоваться* (своей храбростью), *жаловаться* и *ябедничать* и др. под. можно извлечь представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Вот некоторые из них: "нехорошо преследовать узкокорыстные цели" (*домогаться*, *льстить*, *сулить*); "нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей" (*подсматривать*, *подслушивать*, *соглядатай*, *любопытство*); "нехорошо унижать достоинство других людей" (*помыкать*, *глумиться*); "нехорошо забывать о своих чести и достоинстве" (*пресмыкаться*, *подобострастный*); "нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки" (*хвастаться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить*); "нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних" (*ябедничать*, *фискалит*); и т.п. Конечно, все эти заповеди – не более чем прописные истины, но любопытно, что они закреплены в значениях слов. Отражаются в языке и некоторые положительные заповеди наивной этики.

Сверхзадачей системной лексикографии является отражение воплощенной в данном языке наивной картины мира – наивной геометрии, физики, этики, психологии и т.д. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре. Для этого, вообще говоря, надо было бы сначала реконструировать по данным лексическим и грамматическим значениям соответствующий фрагмент наивной картины мира. На практике, однако, в этом, как и в других подобных случаях, реконструкция и (лексикографическое) описание идут рука об руку и постоянно корректируют друг друга.

3. НАИВНАЯ КАРТИНА ЧЕЛОВЕКА

В основе предлагаемых ниже реконструкций лежит одна общая схема "состава" человека. Человек мыслится в русской языковой картине мира (только ею мы и занимаемся, хотя допускаем, что в ней много универсальных черт) прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны опре-

деленные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия.

Каждым видом деятельности, каждым типом состояния, каждой реакцией ведаёт своя система. Она локализуется в определенном органе, который выполняет определенное действие, приходит в определенное состояние, формирует нужную реакцию. Иногда один и тот же орган обслуживает более одной системы, а одна система обслуживается несколькими органами. Любопытно, например, что в душе локализуются не только эмоции, но и некоторые желания.

Функционирование каждой системы в большинстве случаев описывается семантическим примитивом или – если система разбивается на подсистемы – примитивами.

Помимо этих систем в человеке независимо от них действуют определенные силы, или способности. Вообще говоря, в человеке, как и в другом живом организме, таких сил может быть несколько, но в обязательном порядке должны быть представлены по крайней мере две: одна приводит какую-то систему в действие, другая останавливает её.

Раздел 3.1 посвящен рассмотрению этих сил (способностей). В разделе 3.2 рассматриваются системы человека, а также особенности их устройства и функционирования.

3.1. Воля и совесть – приведение в действие и торможение

Стимулом к активному функционированию человека являются желания. Человек реализует их с помощью силы, которая называется *волей*²; воля, собственно, и есть способность приводить в исполнение свои желания. *Воля* в русской языковой картине ассоциируется с твердостью, натиском, непреклонностью, может быть, даже агрессивностью; ср. *сила воли, сильная (железная) воля, непреклонная (несгибаемая, непоколебимая) воля, всесокрушающая воля, воля к победе (к жизни, к подвигу), волевой напор, волевой человек, сильная личность* (человек, воля которого настолько сильна, что он может переломить ход событий).

Желания могут быть как разумными и моральными, так неразумными и аморальными: воля сама по себе вне морали, она может быть и *доброй* и *злой*. Поэтому действие воли уравнивается в человеке действием другой силы, которая называется *совестью*. Если желания и воля являются инициаторами деятельности человека, то совесть в русской языковой картине мира мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию его аморальных желаний или побуждений. Ср. *Совесть не позволяет (совестно) (делать что-л.), Если у него есть хоть капля совести, он этого не сделает, Совесть восстает (против чего-л.)*.

Вообще говоря, *совесть*, в отличие от *воли*, мыслится не только в образе силы, пусть потенциальной (т.е. способности). Она одновременно представляется и как некое существо внутри человека. Это – строгий внутренний судья (ср. *отвечать за что-л. перед своей совестью, быть чистым перед собственной совестью*), всегда нацеленный на добро, обладающий врожденным безошибочным чувством высшей справедливости и дающий человеку предписания (ср. *голос совести, веление совести*), непосредственно опирающиеся на представление о том, что в данной ситуации есть подлинное добро.

² Представление о воле как о силе (а не как об органе) заимствовано нами из давней, но очень интересной работы [9, с. 56–60], посвященной "лексике воли". Однако в некоторых существенных деталях наша картина "воли" отличается от предложенной Ю.К. Щегловым. У Ю.К. Щеглова есть понятие "аппарата воли", который состоит из разума, чувств, собственно воли и других органов, выполняющих некую программу поведения. Нам представляется, что скорее имеет место обратное соотношение: воля входит в "аппарат разума" (если, конечно, пользоваться этой метафорой). Кроме того, в картине, нарисованной Ю.К. Щегловым, не упоминается совесть, хотя она тоже принимает участие в формировании поведения человека как моральный регулятор.

Как всякий судья, *совесть* может наказывать или миловать. Если человек *слышит голос совести, прислушивается к нему, поступает по совести* (как подсказывает *совесть*), то наградой ему является *спокойная* (чистая) *совесть*. Если же он *не слышит голоса совести, в угоду желаниям заглушает его в себе, поступает против совести*, тогда *совесть* его наказывает: она его *мучит* (не дает покоя, терзает, гложет), *неправильный поступок лежит тяжелым грузом на его совести, он испытывает угрызения* (муки) *совести* и т.п. *Совесть* – начало неистребимое, и если человеку удастся *заглушить в себе ее голос*, то через некоторое время она снова может *проснуться* (пробудиться) и *заговорить* в нем.

Замечательным свойством этого внутреннего судьи является его полнейшая беспристрастность: всем без исключения людям в одинаковых ситуациях *совесть* диктует одно и то же, единственно справедливое, решение. Этот внутренний голос парадоксальным образом оказывается и общим достоянием людей. Именно поэтому мы можем считать какого-то человека, известного своим нравственным бесстрашием, *нашей совестью*. По той же причине мы можем *зывать к совести* другого человека: мы делаем это в уверенности, что в конечном счете он руководствуется теми же нравственными истинами, что и мы. *Совесть*, таким образом, выводит мировосприятие человека за пределы его собственных интересов и заставляет его взвешивать свои действия и действия других людей на весах высшей справедливости³.

Из сказанного следует, что *совесть* выступает как объединяющее и альтруистическое начало, между тем как *воля* – начало скорее обособливающее, эгоистическое и капризное; ср. *своеволие, волею судеб* (≈ 'по прихоти случая', а также *воля* 2 (≈ 'свобода, основывающаяся только на собственной воле'). С другой стороны, *совесть* – менее активное начало, чем *воля*. Она лишена того напора, который есть у *воли*. Поэтому-то и можно *заглушить ее голос и пойти на сделку с ней*.

Итак, главная функция *воли* – креативная, деятельная, а главная функция *совести* – сдерживающая, блокирующая. Разумеется, действуя по приказам сознания, *воля* может использоваться человеком и как тормозное или блокирующее устройство, с помощью которого человек сдерживает свои неразумные желания. С другой стороны, *совесть* может действовать как нравственный стимул, подталкивающий человека к активной защите справедливости, независимо от того, где он видит ее нарушение – в своих собственных мыслях и поступках или в мыслях и поступках других людей. Однако это – вторичные функции *воли* и *совести*.

Интересна асимметрия этих двух начал: добра в человеке, в соответствии с русской языковой картиной, в целом больше, чем зла, потому что по другую сторону от нейтральной *воли* нет антагонистического *совести* злого начала.

³ Предложенная нами реконструкция, дающая целостный образ совести, основана исключительно на данных языка. Этот наивно-языковой образ оказывается неожиданно близким к понятию совести, развиваемому в русской религиозной философии. Ср. "Наряду со всем тем, что человек сам *хочет* и *может*, наряду со всеми стремлениями, вытекающими из эмпирической природы человека и ее составляющими, на человека действует идеальная сила *должного*, голос совести – призыв, который он испытывает как исходящий из высшей, превосходящей его эмпирическую природу и ее преобразующей инстанции; и только в исполнении этого призыва, в выходе за пределы своего эмпирического существа; человек видит подлинное осуществление своего назначения, своего истинного внутреннего существа" [28, с. 331–332]. Ср. принципиально иную реконструкцию концепта 'совести', по данным языка и художественных текстов, в [1, с. 95–97]: "представление о совести как о когитом и острозубом существе, находящемся во вражде с желаниями и чувствами человека", "маленький грызун", образ совести как "докучного собеседника", "образ совести как врага, преследователя и мучителя человека", "представление о совести как о некоторой поверхности, своего рода *tabula rasa*", со следующим выводом: "Очевидно, что сочетаемость слова *совесть* не моделируется на основе целостного представления. Она возникает путем объединения и скрещивания ряда несовместимых с точки зрения естественных законов мироздания образов" (стр. 97). Отметим национальную специфичность концепта совести. Похожий концепт есть в немецком языке (*Gewissen*), но, например, не в английском или французском: *conscience* обозначает нечто среднее между 'совестью' и 'сознательностью'.

3.2. Основные системы человека

Ниже мы назовем основные системы, из которых складывается человек; органы, в которых они локализируются, в которых разыгрываются определенные состояния и которые выполняют определенные действия; и семантические примитивы, соответствующие этим системам, органам, состояниям или действиям. Отметим, что почти все наши примитивы, за исключением 'воспринимать' (см. [38, с. 102 и сл.]), имеют прямые соответствия в списке А. Вежбицкой (см. [4, с. 10]); о примитивах как они понимаются в данной работе см. [14].

1) Физическое восприятие (*зрение, слух, обоняние, вкус, осязание*). Они локализируются в органах восприятия (*глаза, уши, нос, язык 1, кожа*). Семантический примитив – 'воспринимать'.

2) Физиологические состояния (*голод, жажда, желание* = 'плотское влечение', *большая и малая нужда, боль* и т.п.). Они локализируются в разных частях *тела*. Семантический примитив – 'ощущать'.

3) Физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия (*бледность, холод, мурашки, краска, жар, пот, сердцебиение, гримаса отворачивания* и т.п.). Реагируют различные части тела (*лицо, сердце, горло*) или *тело* в целом. Семантического примитива нет. В частности, смысл 'реагировать' не может претендовать на эту роль, поскольку безусловно может быть представлен через следующие более простые смыслы: 'А реагирует на В' \approx 'Фактор В в момент t_1 воздействовал на организм А [пресуппозиция]; А воспринял это воздействие и в момент t_2 , более поздний, чем t_1 , каким-то образом изменил свои свойства или поведение; факт восприятия воздействия был единственной причиной изменения в свойствах или поведении А'.

4) Физические действия и деятельность (*работать, отдыхать, идти, стоять, лежать, бросать, рисовать, ткать, рубить, резать, колоть, ломать* и т.п.). Они выполняются *конечностями* и *телом*. Семантический примитив – 'делать'.

5) Желания (*хотеть, стремиться, подмывать, не терпеться, воздерживаться, вынуждать, искушать, соблазнять, предпочитать* и т.п.). Они локализируются либо в *теле*, либо в *душе*. В теле локализируются первичные, простейшие желания, связанные с удовлетворением физиологических потребностей; ср. *хотеть есть (пить, спать)*. По-видимому, они являются общими для человека и животных. В душе локализируются окультуренные желания, связанные с удовлетворением духовных потребностей; ср. *В душе ей хотелось какой-то необыкновенной любви; От всей души желаю, чтобы они [праздники] скорее кончились* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Последние, составляющие безусловное большинство желаний, реализуются с помощью *воли*, деятельность которой корректируется *совестью*. Семантический примитив – 'хотеть'.

6) Мышление, интеллектуальная деятельность (*воображать, представлять; считать, полагать; понимать, осознавать; интуиция, озарение; доходить, осенять; знать, ведать; верить; догадываться, подозревать; помнить, запоминать, вспоминать, забывать; и т.п.*). Интеллектуальная деятельность локализуется в *сознании* (*уме, голове*) и выполняется ими же. Семантические примитивы – 'знать', 'считать' и, может быть, еще некоторые. *Понимать* и *верить* – не примитивы; толкования этих глаголов см. в [14].

7) Эмоции (*бояться, радоваться, сердиться, любить, ненавидеть, надеяться, отчаиваться* и т.п.). Они тоже делятся на первичные, общие для человека и животных (*страх, ярость*), и окультуренные (*надежда, отчаяние, удивление, возмущение, восхищение* и т.п.). У человека все эмоции локализируются в *душе, сердце* или в *груди*. Семантический примитив – 'чувствовать'.

8) Речь (*сообщать, обещать, просить, требовать, приказывать, запрещать, предупреждать, советовать, объявлять, ругать, хвалить, хвастаться, жаловаться* и т.п.). Она обслуживается языком 2. Семантический примитив – ‘говорить (кому-то, что Р)’. Попытки истолковать этот глагол в указанном значении, как кажется, приводят к кругу⁴.

Структура и функционирование перечисленных систем имеет следующие особенности: каждая система имеет определенную внутреннюю организацию (3.2.1); системы образуют иерархию (3.2.2); органы этих систем тоже образуют иерархию (3.2.3); системы взаимодействуют друг с другом (3.2.4); системы разбиваются на подсистемы (3.2.5); с другой стороны, они объединяются в более крупные классы и подклассы на основе принципа дублирования (3.2.6).

3.2.1. Внутренняя организация систем

Из-за ограниченности места мы сумеем рассмотреть этот вопрос на примере только одной системы – восприятия. Наш выбор определяется, во-первых, относительной простотой этой системы и, во-вторых, тем, что она достаточно хорошо организована и дает возможность продемонстрировать внутреннюю связь между тем или иным способом концептуализации действительности и лексикографическим типом (ЛГ).

Первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый – тот, кто воспринимает, второй – то, что воспринимается. Поэтому можно предсказать существование по крайней мере двух серий глаголов (или других предикатных слов), называющих состояния первого и второго актантов ситуации восприятия соответственно. Одну образуют глаголы, первая семантическая валентность которых заполняется именем субъекта восприятия, а вторая – именем воспринимаемого объекта, ср. *Из траншеи мы видели узкую полосу берега*⁵. Другую образуют конверсные им глаголы или глагольные выражения, первая семантическая валентность которых заполняется именем воспринимаемого объекта, а вторая – именем субъекта восприятия; ср. *Из траншеи нам была видна узкая полоска берега*.

Субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире. Поэтому в принципе возможна еще одна серия глаголов – типа *смотреть*. В результате получается тернарная оппозиция смыслов:

⁴ Ср., например, следующее толкование: X *говорит* 1 Y – у Z = ‘Человек X произносит созданный им текст, содержащий смысл Z, для того, чтобы Y воспринял смысл Z’ [29, с. 71]. Если *текст* в этом толковании – слово метаязыка, то в его значение должно входить указание на язык: *текст* – это прежде всего последовательность знаков на каком-то языке. *Язык* в свою очередь должен быть определен как средство, с помощью которого люди *говорят* 2 друг с другом. Наконец, двунаправленный процесс обмена репликами (говорить друг с другом) естественно определить через более простой, однонаправленный процесс сообщения своих мыслей собеседнику, т.е. через *говорить* 1. Получается круг. С другой стороны, можно допустить, что *текст* в составе этого толкования – лексема русского языка, обозначающая ‘то, что написано’. Но и тогда через один-два шага в нем откроется тот же смысл ‘говорить 1’: то, что написано, – это другая, культурно более сложная форма того, что могло бы быть сказано 1.

⁵ Субъект состояния (ср. *Охотник видит лису, Он боится этого человека*), события (ср. *Он поскользнулся и упал*), процесса (ср. *Он долго болел, Он выздоровел*) и т.п. иногда называется объектом. Так, по мнению О. Есперсена, в примере *Он боится этого человека* “грамматический именительный падеж обозначает предмет, подвергающийся действию, а винительный падеж – источник воздействия” [30, с. 179]. Ср. похожие мысли в [31–32] и других современных работах. Строго говоря, объекта ни в одном из этих случаев нет, потому что нет воздействия какой-либо силы на человека. На самом деле для описания семантических ролей актантов в рассматриваемом круге ситуаций надо иметь четыре разных понятия: агенса (активного деятеля), субъекта (пассивного испытывателя), объекта (того, что испытывает реальное воздействие) и предмета (того, что просто находится в фокусе внимания субъекта или агенса, ср. *видеть картину, уважать старших, смотреть на картину, Пальто стоит 500 рублей*). В этой работе, однако мы не можем предпринять такой глубокой ревизии семантических ролей и поэтому пользуемся более или менее традиционными обозначениями.

‘воспринимать’ – ‘восприниматься’ – ‘использовать способность восприятия’. В принципе можно допустить необходимость четвертой серии глаголов, обозначающих активное воздействие объекта на орган чувства; ср. *бросаться в глаза* для зрения, *доноситься* для слуха, *шибать (в нос)* для обоняния. Однако эта серия во всех отношениях менее регулярна, чем первые три, и мы ее пока не включаем в рассмотрение.

Поскольку есть пять подсистем восприятия (*зрение, слух, обоняние, вкус, осязание*), каждая из которых в идеале должна обслуживаться тройкой глаголов (не считая, конечно, их синонимов), восприятие в целом может быть представлено таблицей (семантической парадигмой) $3 \times 5 = 15$. Она-то и задает основной ЛТ в сфере лексики восприятия.

В русском языке этот ЛТ представлен следующими пятью тройками: *видеть – быть видным (кому-л.) – смотреть, слышать – быть слышимым (кому-л.) – слушать, обонять (чуть) – пахнуть – нюхать, ощущать вкус – быть на вкус* (ср. *На вкус ничего, но пахнет неважно*) – *пробовать, осязать – быть на ощупь – ощупывать*. Ср. *Когда же мальчик ощупывал его лицо, то ощущал своими чуткими пальцами его глубокие морщины* (В.Г. Короленко, Дости подземелья).

Одна из особенностей этого ЛТ состоит в том, что клетки таблицы далеко не всегда заполняются единообразно. В принципе все 15 клеток должны были бы обслуживаться глаголами. Однако в русском языке так обстоит дело только с обонянием (см. выше), да и то для понятия ‘воспринимать носом’ нет нейтрального слова: одно (*обонять*) чересчур научное, а другое (*чуть*) – чересчур просторечное. Хуже всего обслужена глаголами серия ‘восприниматься’ – в ней есть только один глагол (*пахнуть*).

В русском языке все клетки семантической парадигмы, для которых отсутствуют однословные выражения, заполняются свободными или полусвободными словосочетаниями. Чтобы понять ее своеобразие, полезно сопоставить ее с соответствующей парадигмой английского языка. Там нехватка словесного материала для заполнения всех клеток таблицы компенсируется не столько за счет словосочетаний, сколько за счет многозначности. Ср. *to see – to be visible – to look* для зрения, *to hear – to sound – to listen* для слуха, *to smell – to smell – to smell* для обоняния (ср. *I can smell apples – Apples smell good – He bent over to smell a flower*), *to taste – to taste – to taste* для вкуса (ср. *I can taste something very spicy in the food – The meat tastes delicious – He raised the glass to his mouth to taste the wine*), *to feel – to feel – to feel* для осязания (ср. *I could feel the rough surface of the table – The water feels warm – Feel the bump on my head*).

Не имея возможности охарактеризовать этот сложный ЛТ целиком, назовем некоторые особенности глаголов основной серии (*видеть, слышать, обонять, осязать*). а) Они принадлежат к классу стативов и имеют все характерные для стативов морфологические, синтаксические и семантические проявления (см. о них [14]), которые, естественно, в той или иной форме должны быть отражены в словаре. б) Они обладают свойством полуфактивности, в частности, способностью нести главное фразовое ударение и способностью управлять предложениями, вводимыми относительными союзными словами типа *кто, что, где, куда, откуда, когда, сколько, как* и т.п. Ср. *Я видел, кто открыл дверь* (что он принес, куда он пошел, где приземлился самолет, сколько вина он выпил); *Я слышал, кто его звал* (что он говорил, откуда донесся звук, как он на тебя кричал). Любопытно, что разнообразие способов введения придаточного предложения падает при переходе от *видеть* к *слышать* и от *слышать* к *обонять, осязать*. в) Они обладают способностью управлять предложениями, вводимыми союзами *что* и *как*, с характерным для этих союзов противопоставлением события (факта) и действия. К тому, что наблюдается на эту тему Н.Д. Арутюновой (см. [2, с. 115–117]), надо добавить, что первый союз описывает событие, даже если глагол придаточного предложения имеет форму НЕСОВ; ср. *Я видел, что он переходил на ту сторону улицы* (фиксируется только факт перехода). Второй союз описывает процесс, даже если глагол придаточного предложения имеет

форму СОВ; ср. *Я видел, как он перешел на ту сторону улицы* (фиксируются, даже в форме СОВ, какие-то фазы процесса пересечения улицы).

Все указанные и многие другие особенности глаголов восприятия должны быть приняты во внимание, чтобы получилось единообразное описание данного ЛГ в словаре.

3.2.2. Иерархия систем

Указанные восемь систем иерархизованы по сложности (именно в порядке нарастания сложности они перечислены выше). Самой простой является восприятие: оно объединяет человека со всей остальной живой природой. В частности, даже растения воспринимают такие факторы, как свет и тепло, потому что они на них реагируют. Самой сложной является речь: она отличает человека от всей остальной живой природы.

Лингвистически относительная сложность системы определяется несколькими факторами.

Первый фактор – число лексем и грамматических единиц, которые ее обслуживают. Чем оно больше, тем сложнее система. Точными данными на этот счет мы не располагаем, но априорным лингвистическим оценкам предложенный выше порядок систем более или менее соответствует. Единственное исключение составляет система физических действий, лексика которой по богатству превосходит все другие системы. Однако четыре "духовные" системы (желания, интеллектуальная деятельность, эмоции и речь) намного превосходят систему физических действий по числу обслуживающих их грамматических единиц. Ср. дейктические морфологические категории (например, глагольное время, исчисляемое относительно момента *р е ч и*), а также такие синтаксические конструкции, как императив и оптатив (желания), условные и ирреальные предложения (интеллект), многочисленные экспрессивные конструкции малого синтаксиса (желания и эмоции), вводные конструкции (в их значение всегда входит представление о говорящем и, следовательно, о речи).

Во-вторых, сложность системы S_i относительно системы S_j определяется числом принадлежащих S_i лексем, в толкование которых входят единицы системы S_j . Чем больше число таких единиц, тем S_i сложнее относительно S_j . В этом отношении эмоции и речь существенно сложнее, чем, например, восприятие и даже желания, потому что в толковании большинства эмоциональных состояний и речевых актов присутствуют ссылки на восприятие и желания, между тем как обратное неверно.

В-третьих, сложность системы определяется ролью ее понятий в организации высказывания. В этом отношении у речи нет конкурентов. Достаточно указать на центральную роль говорящего как фигуры, организующей дейктическое пространство высказывания⁶.

3.2.3. Иерархия органов

Органы этих систем тоже иерархизованы, но по другому признаку, а именно, по их роли в организации поведения человека. Вершиной иерархии является сознание (ум). В наивной картине мира именно ему отводится ключевая роль регулятора физического, эмоционального и речевого поведения человека. Именно оно, с помощью сил воли и совести, держит поведение человека в пределах нормы, даже когда другие его

⁶ Об исключительной сложности речи свидетельствует сама семантическая структура речевых актов как она описана, например, в работах [3, 33]. В частности, именно этот материал дал основание для выделения такого важного нового компонента смысла, как мотивировки (наряду с пресуппозициями и ассерциями). Мотивировку можно определить как объяснение того, для чего предпринимается данный речевой акт. Она связывает ассерцию в качестве результата с одной из пресуппозиций в качестве причины речевого акта. По-видимому, мотивировки должны включаться в толкование всех лексем, обозначающих достаточно сложные целесообразные акты, не обязательно речевые.

системы работают с повышенным или предельным напряжением. Сознание – это следящее устройство, способное со стороны наблюдать за поведением человека (ср. *видеть себя со стороны, Попытайся посмотреть на себя со стороны*). Если, например, сознание обнаруживает в поведении признаки неразумности, оно отдает распоряжение воле, которая возвращает поведение к норме (конечно, при условии, что воля еще способна действовать эффективно). Ср. *Он понял, что боится, и усилием воли попытался подавить свой страх*.

↑ Сказанное можно подтвердить и такими парами лексических единиц, как *исступление* и *возбуждение*, *экстаз* и *восторг*, *паника* и *страх*, *потерять голову* и *растеряться*, *взорвать(ся)* и *возмутить(ся)*. В существующих толковых словарях различия между ними часто сводятся к различию в степени интенсивности: *исступление* = ‘крайняя степень возбуждения’, *экстаз* = ‘исступленно-восторженное состояние’, *потерять голову* = ‘совершенно растеряться’ и т.п. На самом деле левые элементы всех этих пар отличаются от правых не только указанием на большую интенсивность процесса или состояния. Важно еще и то, что внутреннее состояние человека в своем развитии достигает такой степени интенсивности, что поведение субъекта полностью выходит из-под контроля его сознания и перестает управляться его волей. Ср., в отличие от этого, пару *ярость – гнев* (*Он с трудом сдерживал свою ярость (свой гнев)*), где первая эмоция действительно отличается от второй предельной степенью интенсивности, но не потерей контроля над поведением.

Указанный семантический компонент, повторяющийся в значениях лексических единиц *исступление*, *экстаз*, *паника*, *терять голову*, *взорвать(ся)*, оказывается, таким образом, достаточно регулярным (системным). Следовательно, представление о потере контроля над поведением как естественном пределе в развитии некоторых внутренних состояний действительно свойственно наивной картине человеческой психики.

В пользу этого свидетельствует и то обстоятельство, что похожая семантическая оппозиция обнаруживается в области так называемой симптоматической лексики – выражений, описывающих внешние проявления эмоциональных состояний человека. Ср. такие серии слов, как *оцепенеть (от страха)*, *остолбенеть (от удивления)*, *окаменеть (от ужаса)*, с одной стороны, и *замереть (от сладкого ожидания)*, *замереть (в восхищении перед картиной)*, с другой. Последний глагол значит ‘стать совершенно неподвижным’, причем не сообщается, теряет ли субъект контроль над своим поведением или нет. Реакция может быть более или менее спонтанной, а вне сочетаний с названиями эмоций – и полностью контролируемой; ср. *Увидев оленя, охотник замер*. Что же касается первых трех глаголов, то они значат не просто ‘замереть под влиянием какого-л. сильного чувства’, как считают некоторые словари. *Оцепенеть*, например, – это стать неподвижным в результате паралича воли, который наступает в результате ее выхода из-под контроля сознания, что в свою очередь объясняется исключительно сильным страхом, испытанным субъектом. Ср. *Что с ним [артистом П. Селивановым, который в присутствии Сталина от испуга не смог исполнить свою арию] творилось – конечно, и вообразить невозможно, удивительно, как он не умер тут же на сцене. За кулисами и в зале все оцепенели* (Г. Вишневская, Галина). Заслуживает упоминания и глагол *застыть*, занимающий промежуточное положение между *замереть* и *оцепенеть*; ср. *Он в восхищении застыл перед картиной*.

Указание на потерю контроля над поведением в результате шока, чрезмерной физической активности и т.п. входит в значение многих других слов и выражений; ср. *потеря самообладания, неистовство, конвульсии, протрация, транс, ступор*.

3.2.4. Взаимодействие систем

Разные системы и подсистемы человека в разной мере автономны и в разной мере взаимодействуют друг с другом. Чем проще система, тем она более автономна. Чем сложнее система, тем она менее автономна, т.е. тем больше число других систем, которые она активизирует или данными которых пользуется.

Наиболее автономно восприятие. Чистое восприятие происходит само собой, независимо от деятельности других систем. Действительно, можно *видеть* или *слышать что-л.*, находясь при этом в совершенно неподвижном состоянии, ничего не желая, не думая, не чувствуя и не говоря. Исключения составляют те случаи, когда мы хотим что-то воспринять и актом воли приводим соответствующий орган в такое положение, когда восприятие с его помощью становится возможно; ср. *смотреть, слушать, нюхать, пробовать, щупать*.

Менее автономны физическая деятельность и желания. Можно, конечно, *стоять где-л.*, *идти куда-л.* или *хотеть чего-л.* молча и не испытывая никаких эмоций. Существуют, однако, более сложные виды физической деятельности, особенно целенаправленной (*строить мост, ждать кого-л., решать задачу* и т.п.), невозможные без участия желаний, поскольку именно они лежат в основе целей и мотивировок. Что же касается самих желаний, то даже простейшие из них могут быть основаны на показаниях каких-то органов чувств; *хотеть есть*, например, – это ощущать (телом) потребность в еде.

Еще менее автономна деятельность сознания. Она невозможна без восприятия каких-то фактов как отправной точки для процессов мышления. Кроме того, некоторые интеллектуальные процессы и состояния предполагают деятельность воли. Особенно интересны в этом отношении мнения. Прототипические мнения предполагают предшествующий акт воли, которым они направляются в сознание и конституируются как мнения. Ср. *Следователь счел, что собранных улик достаточно* (актом воли мысль переводится в разряд мнений, которые человек готов защищать как истинные) и *Следователь подумал, что собранных улик достаточно* (в сознании человека без участия его воли возникает некое предположение). Подробнее о *считать* и *думать* см. [11, с. 867, 34–36].

Наименее автономны эмоции и речь; они же в наибольшей степени взаимодействуют с другими системами человека.

Возникновению эмоции в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-то положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта, вероятного или маловероятного и т.п. Напомним в этой связи следующее предложенное еще Б. Спинозой описание *надежды, страха, уверенности и отчаяния*: "Если мы знаем о будущей вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой... С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе возникает покой, называемый нами уверенностью... Когда же мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние" [37, с. 128–129]. Факультативно в проявлениях эмоций могут участвовать физиологические реакции (ср. *побагроветь от гнева (от ярости)*), физические действия (ср. *прыгать от радости*) и речь (ср. *громко восторгаться*).

Основные речевые акты в обязательном порядке предполагают параллельное действие по крайней мере трех других систем – интеллекта, желаний и физической деятельности. Действительно, большинству речевых актов предшествует некое мнение говорящего об информационном состоянии слушающего. Кроме того, всякий речевой акт предполагает мотивировку – объяснение того, почему говорящий хочет изменить определенным образом знания слушающего. Наконец, всякий речевой акт

представляет собою разновидность физической деятельности – по той банальной причине, что неотъемлемым компонентом устной речи является работа артикуляционных органов. Кроме того, очень многие речевые акты диктуются разного рода эмоциями (ср. *умолять, клеймить, бахвалиться, скулить* в значении ‘жаловаться’ и г.п.) или желанием вызвать определенные эмоции у адресата (*стыдить, умолять, упрекать* и т.п.). Подробнее об описанных аспектах речевых актов см. [3, 33].

3.2.5. Система и ее подсистемы

Каждая система в свою очередь разбивается на ряд подсистем. Ср. *зрение, слух, обоняние* и т.п. в составе восприятия; *знание, веру, уверенность, понимание, мнение, воображение, память* и ряд других в составе интеллекта; различные речевые акты в составе речи.

Эти подсистемы могут обслуживаться своими органами; так, подсистема *памяти* (ср. *зрительная (слуховая) память, образная память, цепкая (фотографическая) память, короткая (девичья) память, Память сдает* и т.п.) обслуживается органом, который тоже называется *памятью* (ср. *врезаться в память, хранить в памяти, восстановить в памяти, извлечь из памяти* и т.п.; подробнее см. [11, с. 559 и сл.]; та же идея развивается в неопубликованной работе Е.В. Урысон).

Подсистемы внутри одной системы тоже иногда образуют иерархию. Покажем это на примере системы восприятия, подсистемы которой упорядочиваются по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. С этой точки зрения главной подсистемой все исследователи считают *зрение*. За ней следует *слух*, а затем *обоняние, вкус и осязание*, хотя относительный порядок трех последних подсистем не столь очевиден и отчетлив, как двух первых.

Можно привести два аргумента в пользу того, что этот принцип упорядочения не навязывается языку извне, в угоду каким-то посторонним логическим соображениям, а вытекает непосредственно из языковых данных и происходящих в языке процессов.

Прежде всего, место той или иной подсистемы в иерархии, в соответствии с уже упоминавшимся принципом, прямо зависит от обслуживающего ее числа лексем. Очевидно, что наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая *зрительное* восприятие. За ней, существенно уступая ей в объеме, следует лексика *слуха*. *Обоняние, вкус и осязание*, по числу обслуживающих их лексем уступающие *слуху*, друг от друга отличаются не столь заметно. Поэтому для их упорядочения необходимо привлечь второй чисто лингвистический аргумент – происходящие в языке процессы метафоризации.

Еще в начале 50-х годов С. Ульман [39] сформулировал следующую статистическую закономерность: около 80% интерсенсорных (кинэстетических) метафорических переносов происходят строго в направлении от нижних уровней иерархии восприятия к ее верхним уровням, и только немногим более 20% переносов разворачиваются в противоположном направлении. Это значит, что метафоры типа *теплые (холодные) краски, мягкие тона, колючий взгляд, теплый (холодный) голос, жесткие звуки, кричаще одета, глухие тона, сладкие речи, острые звуки, сладкий (соленый, кислый, горький) запах, острые запахи, острые приправы (блюда), мягкий вкус* и т.п. гораздо более вероятны (и естественны), чем метафоры типа *тусклый звук, носатый голос* (З. Шаховская, Отражения), *яркие (тусклые) запахи, красные звуки, глухие запахи, сладкая на ощупь ткань* и т.п. Из сказанного следует, что именно зрительное и, в несколько меньшей степени, слуховое восприятие нуждается во все новых и новых выразительных средствах. Словарь именно этих систем обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и скорее всего изнашивается от постоянного употребления.

Сказанное прямо связано и с антропоцентричностью языка: человек различает большее количество зрительных и слуховых образов (последнее, видимо, из-за устности языка), чем любое другое живое существо. Наоборот, его обоняние гораздо менее развито, чем, скажем, у собак, которые различают, как известно, до 300 тысяч запахов. С меньшей остротой обоняния и связана относительная бедность соответствующего класса лексем. В "каницентрическом" языке, будь он возможен, первое место в иерархии занимало бы *обоняние*.

3.2.6 Классы и подклассы систем

Названные в разделе 3.2 системы по разным признакам сближаются, а иногда даже объединяются в более крупные классы. Два наиболее крупных класса – системы, связанные преимущественно с деятельностью человеческого *тела* (первые четыре), и системы, связанные преимущественно с деятельностью человеческого *духа* (последние четыре).

С другой стороны, определенные телесные системы сближаются с определенными духовными системами⁷, так что каждая телесная система отражается, дублируется, копируется в парной к ней духовной системе, и наоборот. Восприятию соответствуют интеллектуальные состояния и деятельность, физиологическим состоянием (потребностям) – желания, физиологическим реакциям – эмоции, физическим действиям – речь.

Принцип парности телесных и духовных систем прямо вытекает из характерной для наивной картины мира (и не только для нее) и давно замеченной дихотомии "тело" – "дух" (ср. ее разновидность "тело" – "душа").

Лингвистически такие сближения, при всей неодинаковости их оснований в разных случаях, интересны тем, что позволяют увидеть глубинное сходство внешне различных лексических единиц и создают тем самым дополнительную основу для систематизации и унификации их семантических описаний. Подтвердим это материалом четырех указанных выше парных классов.

1) Восприятие и интеллект. В наивной, как и в научной картине мира, через систему восприятия человек получает всю ту информацию, которая направляется на обработку в сознание и на основании которой человек осмысляет действительность, получает знания, вырабатывает мнения, планирует свои действия и т.п. Было давно замечено, что восприятие и мышление настолько уподобляются друг другу и настолько прорастают друг в друга, что основной глагол восприятия – *видеть* – развивает главные ментальные значения (см., например, [2, с. 110 и сл.] и [40]). Мы перечислим все ментальные значения этого глагола, развившиеся в русском языке, и покажем, что аналогичные значения или употребления есть и у второго главного перцептивного глагола – *слышать*.

У глагола *видеть* можно выделить следующие четыре ментальных значения: 1) 'представлять' (*Я вижу, точно это было вчера, как мы бежим по косогору*); 2) 'считать' (*Не вижу в этом ничего дурного; Многие воздерживались от художественного и философского творчества, так как считали это делом безнравственным с точки зрения интересов народа, видели в этом измену народному благу* (Н.А. Бердяев, *Философская истина и интеллигентская правда*)); этот перенос хорошо представлен и в гнезде со смыслом 'смотреть', ср. *рассматривать этот демарш как проявление слабости, усматривать в чем-л. состав преступления* и т.п.; 3) 'понимать' (*Вы видите (ср. понимаете) свою ошибку?*); 4) 'знать' (*не видеть путей выхода из кризиса*).

⁷ Ср. следующее замечание Н.Д. Арутюновой: «Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика "физическая", используемая во вторичных, метафорических смыслах» [1, с. 95].

Аналогичные ментальные значения или употребления можно усмотреть и у глагола *слышать*, хотя в нем они в меньшей степени освобождены от своих телесных оболочек и ассоциаций: 1) 'представлять' (ср. *Глядящий на эту картину ["Футболист"] уже слышал свист кожаного снаряда, уже видел отчаянный бросок вратаря* (В. Набоков, Дар)); 2) 'считать' (*В ваших словах я слышу скрытую угрозу* = 'Восприняв ваши слова, я считаю, что в них содержится скрытая угроза'); 3) 'понимать' (*Да не собирается он вас увольнять, слышите?*); 4) 'знать' (*Я слышал от кого-то, что матч отложен*).

Ср. также ментальные значения глаголов *чуять* 'подозревать' (*Чую, что он затевает что-то недоброе*), *ощущать* 'понимать' (*Я ощущаю некоторую неловкость этой ситуации*) и т.п.

2) Физиологические состояния и желания. Выше уже было сказано, что есть два типа желаний – простейшие, связанные с удовлетворением физиологических потребностей тела (ср. *голод* = 'ощущение желания есть', *жажда* = 'ощущение желания пить'), и более сложные, связанные с удовлетворением духовных потребностей (ср. *хотеть попасть на выставку* *учиться в Сорбонне*, *мечтать о подвиге*). В первом случае человек ощущает, что недостает чего-то важного для его телесного комфорта, во втором – что недостает чего-то важного для его духовного комфорта. Поэтому, в соответствии с общей закономерностью метафорических переносов, которые разворачиваются в направлении от конкретного к абстрактному, у слов, обозначающих телесные потребности (*голод*, *жажда*), регулярно развиваются значения интеллектуальной или другой духовной потребности. Ср. *духовный голод*, *жажда знаний* (*работы*), *мудрая жажда красоты*, *жаждать подвига*.

3) Физиологические реакции и эмоции. Физиологические состояния типа *бледность*, *сердцебиение*, *пот* являются реакциями тела на внешние или внутренние раздражители. Эмоции тоже являются реакциями, а именно, реакциями души на внешние и внутренние воздействия. На этой основе происходит глубокое уподобление эмоций и состояний тела (см. об этом [41]). Например, в состоянии страха душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда ему холодно, а его тело реагирует на страх, как на холод [41, с. 34]; ср. *дрожать от страха* (*от холода*), *Мурашки бегут по спине от страха* (*от холода*), *оцененеть от страха* (*от холода*), *Страх* (*холод*) *сковал его тело* и т.п.

Их подобие имеет и другой, более фундаментальный аспект: такие физиологические состояния, как *голод*, *жажда*, *сон* и т.п., всегда имеют причину – отсутствие еды, питья, сна в течение какого-то времени. Равным образом имеют причину и эмоции. Следовательно, в системном описании тех и других в обязательном порядке должно фигурировать указание причины, которая вызывает соответствующее физиологическое состояние или соответствующую эмоцию.

4) Физические и речевые действия. Подобие между ними основано главным образом на том, что и те, и другие суть разновидности целесообразной деятельности, а всякая целесообразная деятельность имеет мотивировку. Мы *едем на машине в город*, потому что хотим сделать что-то в городе; Мы *катаемся на велосипеде*, потому что хотим получить удовольствие от самой езды; Мы *просим соседа о чем-л.*, потому что хотим, чтобы он сделал нечто; Мы *советуем своему другу что-то*, потому что хотим ему добра (последняя формулировка – из [33, с. 184]). Указание мотивировки в семантическом описании физической и речевой деятельности – такое же обязательное условие, как указание причины в описании физиологических реакций и эмоций.

Принцип парности (дублирования, копирования) в той или иной мере действует не только на уровне систем, но и на более глубоко лежащем уровне подсистем. Так, в системе восприятия более "низкая" подсистема вкуса метафорически проецируется на иерархически более высокую подсистему обоняния. В сущности, у подсистемы обоняния нет своей собственной номенклатуры. Для обозначения элементарных запахов

используется метафорически переосмысленная номенклатура элементарных вкусов; ср. *сладкий* (*горький, кислый, соленый*) *запах*. Более сложные запахи, особенно *острые*, обозначаются либо с помощью соответствующих вкусовых терминов (ср. *терпкий* (*пряный*) *запах, приторный запах*), либо через отсылку к предмету с характерным запахом (ср. *грибной запах, запах горького миндаля, хвойный запах* и т.п.). Собственно "обонятельными", не заимствованными, являются только оценочные прилагательные типа *вонючий, ароматный, душистый* и т.п. Ср. похожие соображения в другом теоретическом контексте в [2] и [23, с. 44–45].

4. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Это – одна из самых сложных систем человека (сложнее эмоций, по-видимому, только речь), поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека – восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (в частности, разнообразная моторика, включая мимику) и даже речь. Эмоции весьма основательно изучены в лингвистическом, психологическом и физиологическом аспектах, причем результаты, полученные разными методами, обнаруживают большую степень согласия; см. [1, с. 93 и сл., 2, с. 129 и сл., 4–6, 11, 15, 17, 22, 42, с. 39 и сл., 43, с. 67–70, 44, с. 142–157, 45–63] и многие другие работы.

Мы ограничимся чисто лингвистическим разбором немногих фактов русского языка, но подчеркнем, что в самых разных европейских языках эмоциональная лексика имеет много сходных черт, а ее описание требует сходных лексикографических решений. В даваемом ниже описании использованы материал и идеи из ранее опубликованной работы [15], но и то, и другое существенно расширено и уточнено.

К базовой лексике этого рода относятся глагольные синонимические ряды *беспокоиться, бояться, сердиться, стыдиться, гордиться, удивляться, восхищаться, любить, надеяться, радоваться, грустить* и многие другие; ряды соответствующих существительных, прилагательных и наречий (*беспокойство, радость, рад, тревожно, с тревогой, в тревоге, боязно, со страхом, в страхе*) и т.д.

Помимо этой базовой лексики необходимо принимать во внимание слова, которые, не являясь обозначениями эмоций в собственном смысле, включают в свое значение указание на различные эмоциональные состояния субъекта в момент выполнения какого-то действия или нахождения в каком-то состоянии. Укажем один такой ряд – *любоваться, заглядеться, засмотреться*.

Необходимо, наконец, учитывать еще один круг слов, не называющих эмоций в собственном смысле, но имеющих к выражению эмоций самое непосредственное отношение. Мы имеем в виду метафору, обозначающую определенный физический симптом чувства. Она была впервые исследована в [47]; см. также [41]. Нас в дальнейшем будет интересовать только световая и цветовая метафора типа *Глаза горят* (*сверкают, блестят*) *от восторга* (*от гнева*), *Ее щеки порозовели от удовольствия*, *Он побагровел от стыда* и т.п. В этом круге слов обнаруживается богатейшая синонимия переносных значений; ср. ряды *блестеть, сверкать; загореться, зажечься; сиять, светиться; засиять, засветиться, озариться; потемнеть, погаснуть, потухнуть; покраснеть, побагроветь, зарумяниться, зардеться*; и многие другие.

Все эти ряды послужат для нас отправной точкой в попытке реконструировать наивную картину мира эмоций как она отражается и концептуализируется в русском языке. Ввиду ограниченности места мы сумеем указать лишь несколько характерных деталей наивной картины, или модели эмоционального мира человека. Тем не менее, даже эти немногие детали представляются нам поучительными, потому что только привлекая их, можно обеспечить систематическое описание конкретных синонимических рядов в словаре.

1. В развитии (сценарии) эмоций, как они представляются в языке, выделены следующие пять фаз:

1) Первопричина эмоции – обычно физическое в о с п р и я т и е или ментальное с о з е р ц а н и е некоторого положения вещей. Нас *злит* то, что мы непосредственно воспринимаем или воспринимали; между тем, *возмущать* могут и такие факты (например, бесчинства экстремистов на Гаити), сведения о которых мы получили из вторых рук. Ср. также глаголы *любоваться*, *заглядеться*, *засмотреться*, предполагающие непосредственное зрительное восприятие объекта в момент переживания, и их неточный конверсив *нравиться*, не предполагающий этого.

2) Непосредственная причина эмоции – как правило, интеллектуальная о ц е н к а этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта. Роль этого фактора в возникновении эмоций была впервые указана еще Б. Спинозой и с тех пор отмечалась всеми исследователями (см. названные выше работы). Причиной положительных эмоций (*радости*, *счастья*, *любви*, *восхищения*, *надежды* и т.п.) является наша интеллектуальная оценка каких-то событий как желательных, а причиной отрицательных эмоций (*тоски*, *горя*, *ненависти*, *возмущения*, *отчаяния* и т.п.) – оценка каких-то событий как нежелательных. Внутри каждого из этих классов имеет место более тонкая дифференциация причин. Важную роль в возникновении ряда эмоций играет, например, оценка собственной деятельности, или активности субъекта. В частности, *торжествовать* отличается от *радоваться* тем, что обозначает радость по поводу успешных действий субъекта, его правоты и т.п. Между тем *радоваться* можно и такому событию, к каузации которого субъект не имеет никакого отношения. Похожее различие обнаруживается в рядах *грустить*, *печалиться*, *сокрушаться*. *Грустить* можно по любому поводу, а *сокрушаться* – главным образом по поводу собственных не слишком удачных действий.

3) Собственно э м о ц и я, или состояние души, обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной оценкой этого положения вещей. А. Вежбицка описывает собственно эмоцию посредством семантических компонентов 'to feel good' (чувствовать что-то хорошее) и 'to feel bad' (чувствовать что-то плохое). Те же семантические компоненты в толковании эмоций в работе [46] обозначаются как 'положительное эмоциональное состояние' и 'отрицательное эмоциональное состояние'.

В.Ю. Апресян в своей еще не опубликованной работе обратила внимание на то, что сами положительные и отрицательные состояния могут существенно отличаться друг от друга в случае разных эмоций. В состоянии *ненависти* человек испытывает одно неприятное или отрицательное чувство, в состоянии *страха* – другое, в состоянии *тоски* – третье. В связи с этим в [41] было предложено дифференцировать собственно эмоции с помощью метафор телесных состояний, которые с ними ассоциируются. Как уже было сказано выше, при страхе то неприятное чувство, которое возникает в душе человека, похоже на неприятное состояние его тела при холоде (ср. *дрожать от страха*, *похолодеть от страха*, *оцепенеть от страха*, *Страх леденит душу*, *Страх сковывает человека* и т.п.). Неприятное чувство в случае отвращения напоминает неприятные физические ощущения человека, когда на него воздействует плохой вкус или запах (см. [41, с. 34]).

Такие уподобления как средство более точного определения собственно эмоционального компонента в толковании эмоций оправдываются принципом парности, о котором речь шла выше.

4) Обусловленное той или иной интеллектуальной оценкой или собственно эмоцией ж е л а н и е продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию. Так, в состоянии *страха* человек стремится прекратить воздействие на себя нежелательного фактора и для этого готов спрятаться, сжаться и т.п. В состоянии

радости, наоборот, он заинтересован в том, чтобы положительный фактор возможно дольше действовал на него, и все его существо словно вырастает. Ср. *Его распирает от радости, Он раздувается от гордости* при невозможности **Его распирает от тоски (от страха), *Он раздувается о.п стыда*.

5) Внешнее проявление эмоции, которое имеет две основные формы: а) неконтролируемые физиологические реакции тела на причину, вызывающую эмоцию, или на самое эмоцию; ср. поднятие бровей (расширение глаз) в случае *удивления*, сужение глаз в случае злости или гнева, бледность в случае *страха*, пот в случае *смущения*, покраснение в случае *стыда* и т.п.; б) контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на его интеллектуальную оценку; ср. отступление в случае *страха*, наступление в случае *гнева*, восклицания в случае *ликования*, рычание в случае *ярости* и т.п.

Рассмотрим в качестве обобщающего примера слова *ненависть, отвращение и страх*, обозначающие отрицательные эмоции. *Ненависть* – это неприятное чувство, возникающее при восприятии или хотя бы мысленном созерцании объекта или ситуации, которые мы оцениваем как крайне неприятные и враждебные себе и которые настолько хотим или хотели бы устранить, что готовы пойти на самые крайние разрушительные действия, вплоть до физического уничтожения объекта. Внешне *ненависть*, подобно другим агрессивным чувствам (*гневу, ярости* и т.п.), может проявляться в том, что у человека горят глаза. *Отвращение* – это неприятное чувство, подобное ощущению от очень плохого вкуса или запаха; оно возникает, когда мы воспринимаем или воспринимали какой-то объект, который оцениваем как крайне неприятный, хотя и не обязательно враждебный, и контакт с которым мы хотим или хотели бы прекратить. Внешне оно проявляется в том, что на лице человека, испытывающего *отвращение*, может появиться произвольная гримаса. *Страх* – это неприятное чувство, подобное ощущению, какое бывает при холоде; он возникает, когда человек (или другое живое существо) воспринимает объект, который он оценивает или ощущает как опасный для себя и в контакт с которым он не хотел бы входить. В состоянии страха человек бледнеет, у него учащается сердцебиение, прерывается голос и возникает желание сжаться, спрятаться, убежать от опасности⁸.

Предложенный сценарий развития эмоций необходимо иметь в виду при разработке соответствующих синонимических рядов. В словаре синонимов, претендующем на системность в представлении лексического материала, общая схема описания должна быть единой для всех рядов и для всех членов ряда. В частности, для каждой эмоции должен быть указан фактор, восприятие или созерцание которого вызывает ее; интеллектуальная оценка этого фактора субъектом эмоции; тип собственно чувства, которое он испытывает; желания, сопровождающие эмоцию; внешние проявления эмоции, включая физиологические реакции тела, движения, жестикуляцию, мимику и речь.

2. В разных эмоциях доля собственно чувства (переживания) и интеллектуальной оценки может быть разной. В одних преобладает непосредственное переживание, в других – оценка. В зависимости от этого эмоции концептуализуются языком как первичные, базовые (биологически обусловленные) и вторичные, окультуренные; это деление подтверждается данными ряда физиологических исследований (см. обзор [6]). Первичные эмоции, например, *страх, злорада, удовольствие / радость*, предполагают не столько интеллектуальную оценку какого-то положения вещей как плохого или хорошего для субъекта, сколько непосредственное ощущение, что оно таково. Поэтому первичные эмоции доступны не только человеку, но и высшим животным. Очевидно, например, что собака которая при виде хозяина бросается к нему, прыгает, виляет хвостом, лижет ему лицо (поджимает хвост, бросается наутек), *радуется (боится)* в

⁸Ср. похожее описание *страха* и эмоций вообще в словаре [62, с. 30–31, 175–177 и др.], а также в работах [5, 45, 49, 61, 63]. Легко увидеть сходство этого типа описания, предложенного еще в 1979 г. (см. также 17), с тем, что Ч. Филмор назвал впоследствии "фреймовой семантикой"; см. [64–66].

буквальном смысле слова. Ср. Тюнька [собака] радовалась бы. Она любит видеть сразу вместе всех своих (Е. Короткова, День рождения Катьки); Единственно, чего боялся храбрый пес, это грозы (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Вторичные, окультуренные эмоции, такие, как надежда, гнев, возмущение, отчаяние и т.п., мотивированы интеллектуальной оценкой ситуации как желательной или нежелательной для субъекта и поэтому нормально приписываются только человеку. Это различие между биологически обусловленными и окультуренными эмоциями достаточно регулярно и должно приниматься во внимание в соответствующих синонимических рядах.

Аналогичная оппозиция лежит в основе деления эмоций на более стихийные (в них преобладает чувство) и менее стихийные (в них преобладает интеллектуальная оценка). Интересно, что более стихийные эмоции, например, *страх, паника, беспокойство, тоска, ужас, зависть, ревность* и т.п., концептуализируются как враждебная сила, извне завоевывающая человека. Так, *Страх овладевает человеком, охватывает его, заползает ему в душу, Человек находится целиком во власти страха; Зависть пожирает (сненадет) человека, Ревность его грызет, Тоска его берет (наваливается на него)*. Чем меньше доля оценки, чем больше доля собственно чувства, тем вероятнее сочетание имени данной эмоции с таким глаголом. Именно этим, а вовсе не интенсивностью эмоции, как может показаться на первый взгляд, мотивируется возможность или невозможность соответствующих словосочетаний. *Изумление* – безусловно сильная эмоция, но она не может *охватить* человека, потому что слишком рациональна. Наоборот, *тревога* и *грусть* могут *охватывать*, несмотря на то, что они гораздо менее интенсивны, потому что их интеллектуальная подоплека незначительна. Не случайно они могут быть *безотчетными*, что совершенно исключено для *изумления*.

3. Эмоции отличаются друг от друга по признакам интенсивности и глубины переживания. *Ликовать* интенсивнее, чем *радоваться*, *страсть* интенсивнее, чем *любовь*, *восторг* интенсивнее, чем *восхищение*. С другой стороны, *радоваться* глубже, чем *ликовать*, *любовь* глубже, чем *страсть*, *восхищение* глубже, чем *восторг*.

Из этих двух признаков интенсивность заслуживает дополнительного комментария, поскольку она проявляет себя разнообразнее и интересней, чем глубина.

При классификации эмоций по интенсивности необходимо иметь в виду, что шкала интенсивности для эмоций асимметрична: на ней хорошо представлена норма интенсивности (*удивление, неприязнь, восхищение, страх, грусть, радость, злость* и другие прототипические эмоции) и большая степень интенсивности (*изумление, ненависть, восторг, ужас, горе, ликование, ярость*). Однако слабых эмоций (если исключить несколько разрозненных и явно периферийных лексем), антонимически противопоставленных сильным, в русской языковой картине нет.

В самом деле, если бы слабые эмоции в ней выделялись, для соответствующих лексем были бы невозможны сочетания с прилагательными, обозначающими большой полюс шкалы интенсивности. Между тем названия любых эмоций, в том числе и таких, как *грусть, досада, неприязнь* и т.п., сочетаются с прилагательными типа *сильный* и даже *сильнейший*. Ср., в отличие от этого, сильные эмоции типа *ярость, ненависть, изумление, восторг* и т.п., которым противопоказаны сочетания с прилагательными малой степени интенсивности типа *слабый* и которые действительно с ними не сочетаются.

Очевидно, что большую степень интенсивности следует трактовать как семантическую константу, которая должна включаться в описание всех сильных эмоций. Однако существующая лексикографическая практика в этом отношении непоследовательна. В тех случаях, когда в языке есть минимальная пара, состоящая из названия сильной эмоции и ее прототипа (*изумление* – *удивление*, *ярость* – *злость*, *ужас* – *страх*, *восторг* – *восхищение* и т.п.), более сильная эмоция определяется как 'интенсивный X' или 'сильный X', где X – название прототипа. Если же, однако, минималь-

ной пары нет, компонент 'сильный' в толковании соответствующей эмоции отсутствует. Так обстоит дело, например, с *отчаянием*, у которого нет нейтрального прототипа.

В результате разрушается основа для принципиального объяснения того факта, что комбинаторные возможности названий всех сильных эмоций, включая *отчаяние*, в значительной мере совпадают. Действительно, все сильные эмоции могут градуироваться с помощью прилагательных со значением полной или предельной степени признака; ср. *слепая ярость, полнейшее (крайнее) изумление, невыразимый ужас, полный восторг* и т.п. Аналогичные сочетания возможны и для лексемы *отчаяние*, ср. *в полном отчаянии*. С другой стороны, как мы уже сказали, никакая сильная эмоция не сочетается с прилагательными малой степени признака. Этот запрет распространяется, естественно, и на *отчаяние*.

Дать системное объяснение этим фактам можно только включив критический компонент 'сильный' в толкование всех таких лексем, независимо от того, образуют они минимальные пары или нет.

4. Эмоции, как уже было сказано, могут проявляться внешне и существенно различаться этими внешними проявлениями. *Ликование, обожание, изумление, восторг* и *бешенство* в гораздо большей степени требуют выхода в речи, поведении, действии, жесте или мимике, чем *радость, любовь, удивление, восхищение* и *злость* соответственно. Вообще говоря, *радость, любовь, удивление, восхищение* и *злость* можно испытывать, никак внешне не выдавая своих чувств.

Значение, которое придается в наивной картине эмоций возможности их внешнего проявления, подчеркивается тем обстоятельством, что язык часто развивает два ряда средств для выражения собственно эмоции и факта ее внешнего проявления. К таким средствам относятся многозначность, различные аффиксы, лексико-синтаксические конструкции. Так, слова *грустно, весело* и некоторые другие имеют по два разных значения – 'будучи в определенном эмоциональном состоянии' и 'выражая определенную эмоцию'. В этих значениях они входят в разные синонимические ряды, в принципе не совпадающие по своему материальному составу; ср. предикативное употребление *Ему было грустно*, синонимичное *Он грустил*, и адвербиальное употребление *Он грустно посмотрел на меня*, синонимичное *Он печально (с грустью) посмотрел на меня*. То же различие в случае *стыда* выражается словами с разными суффиксами: *стыдно* имеет значение 'испытывая стыд', а *стыдливо* – 'выражая стыд'. Ср. также предложно-именные группы *в ярости, в гневе, в восторге, в тоске* и другие подобные (только значение состояния) и предложно-именные группы *с восторгом, с грустью, с тревогой, с радостью, с тоской* (у них есть и значение манифестации состояния).

5. Важный аспект концептуализации эмоций – их отношение к идее света. В целом положительные эмоции, такие как *любовь, радость, счастье, восторг*, концептуализуются как светлые, а отрицательные эмоции, такие как *ненависть, тоска, отчаяние, гнев, бешенство, ярость, страх, ужас* – как темные. Поразительно, с какой последовательностью язык проводит эти две идеи. Мы говорим *свет любви, Глаза светятся (сияют) от радости (от любви), Глаза светятся любовью, Ее лицо озарилось от радости, Радость осветила ее лицо*, но *Глаза потемнели от гнева, Он почернел от горя, черный от горя* и т.п. Нельзя **потемнеть от радости* или **озариться от гнева*.

В цветовой метафоре даже небольшая примесь темного становится препятствием для характеристики положительной эмоции. Можно *зарумяниться (зардеться) от радости, побагроветь от гнева (от злобы)*, но не **побагроветь от радости* и не ??*зарумяниться (зардеться) от гнева*. Интересно в этом отношении поведение синонимов *стыд* и *смущение*. Первый из них обозначает неприятное чувство, каузированное сознанием вины. В нем нет ничего светлого. Поэтому можно *побагроветь от стыда*, но не ??*зардеться от стыда*. Второй синоним обозначает неприятное

чувство, которое, однако, каузировано не сознанием реальной вины, а боязнью оказаться не на высоте, неумением держать себя в обществе и другими подобными соображениями. Обычно они свидетельствуют скорее о скромности субъекта, чем о его реальных недостатках. *Смущение*, таким образом, амбивалентно. Поэтому *от смущения* можно и *побагроветь*, и *зардеться* – в зависимости от точки зрения говорящего на внутреннее состояние субъекта эмоции.

С другой стороны, в русском языке имеется большая группа глаголов, в которых идея света сочетается с идеей блеска: *гореть*, *сверкать*, *блестеть*, *вспыхивать* и т.п. Такие глаголы вполне нейтральны к противопоставлению светлых и темных эмоций: *Ее глаза вспыхнули от радости (от гнева)*, *Его глаза горели любовью (ненавистью)*.

Любопытно, что во всех рассмотренных случаях имеет место чистая концептуализация, за которой не стоит никакой осязаемой физической реальности. Ср., в противоположность этому, "симптоматические" выражения, отражающие вполне объективные изменения внешности под влиянием эмоции: *Его глаза расширились от удивления (сузились от гнева)*.

Даже этот небольшой материал показывает, что при исследовании синонимических рядов слов, обозначающих эмоции, необходимо в равной мере стремиться к обнаружению специфики каждого ряда и к вскрытию той предположительно единой наивной модели мира, которая лежит в основе всех рядов и мотивирует выбор синонимов для описания той или иной конкретной ситуации.

Очевидно, что отражение всех этих фактов в словаре синонимов повысит меру системности в представлении материала и будет серьезным шагом к решению сверхзадачи лексикографа.

5. ОБЩАЯ СХЕМА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА

На основании изложенных в разделах 2–4 представлений можно предложить некую общую схему характеристики различных состояний человека, протекающих в его душе или сознании процессов, его интеллектуальных или речевых действий (собственно физические действия, ввиду огромности материала, здесь почти не учитываются). Эта схема представляет собою не что иное, как иерархизованный перечень признаков, существенных для характеристики этих состояний, процессов и действий; ср. ее предшественницу в [17, с. 519–528].

Все перечисляемые ниже конечные признаки иерархии являются общими, т.е. годными для описания нескольких или многих лексем и групп лексем. Не утверждается, однако, что в схеме в ее нынешнем виде учтены все такие признаки, т.е. что иерархия построена до конца. Все группы представленных в ней актанных и неактанных понятий нуждаются в дальнейшей глубокой детализации и симметризации. В этом смысле она носит скорее иллюстративный характер.

Конечные признаки иерархии коротко иллюстрируются материалом разработанных автором словарных статей Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Примеры, связанные с рядами *жаловаться*, *сетовать*, *роптать* и т.п., *обещать*, *обязываться*, *сулить* и т.п. и *ругать*, *поносить*, *пилить* и т.п., взяты из словарных статей, написанных совместно М.Я. Гловинской и автором; примеры, связанные с рядом *бояться*, заимствованы из [61].

1. Субъект состояния, процесса, действия.

1.1. Физические характеристики.

1.1.1. Числовые характеристики. В случае *растаться* и *разойтись* сторон может быть несколько; ср. *Команда расставалась до встречи в Мадриде*; *К тому времени члены кружка окончательно разошлись во взглядах*. В случае *разлучиться* сторон только две, независимо от количества участников с каждой стороны; ср. *Мать не хотела разлучаться с детьми*. *Рассердиться* может только отдельная личность, а *разъяриться* – еще и группа людей, мыслимая как единое целое; ср. *От этих слов*

толпа окончательно разъярилась. В случае *роптать* субъект может быть коллективным, в случае *сетовать* высказывание приписывается отдельным личностям; ср. *Армия ропщет*, но не **Армия сетует*⁹.

1.1.2. Человек – животное. *Ликовать* и *торжествовать* могут только люди, а *радоваться* – и высшие животные. *Опасаются* только люди (наблюдение из [61]), *боятся* все высшие животные. Желание в форме *хотеть* в наивной картине мира может испытывать не только человек, а желание в форме *мечтать* (*поехать в Париж*), *жаждать* (*отомстить*) свойственно только человеку. *Возмутиться* и *рассердиться* может только человек, *разозлиться* и *разъяриться* – еще и животное.

1.1.3. Весь человек – часть человека. *Мечтает* о чем-то сам человек, а *жаждать* чего-то может и его душа или сердце. Точно такое же различие представлено в паре *торжествовать* – *радоваться*; ср. *Сердце* ⟨душа⟩ *радуется*, но не ^{??}*Сердце* ⟨душа⟩ *торжествует*.

1.2. Нефизические характеристики.

1.2.1. Намерения. *Лгут* всегда с намерением обмануть, а *вести в заблуждение* можно и неумышленно. Похожим образом различаются *притворяться* (*больным*), *прикидываться* (*больным*), *симулировать* (*болезнь*), с одной стороны, и *казаться* (*больным*), с другой. *Вообразить* и *представлять* (*себе*) что-л. можно усилием воли: *Вообразите, что за каждый добродетельный поступок человек получал бы вознаграждение в виде какого-либо мирского блага; И этого секретарь представить себе не мог, хотя и хорошо знал прокуратора* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Синонимичный им глагол *видеть* предполагает спонтанное появление образов в сознании: *Вижу, как на картине, его небольшую, тонкую, аккуратную фигуру* (В. Набоков, Другие берега).

1.2.2. Цели.

1.2.2.1. Наличие цели. *Приноровиться*, *приладиться* и *примениться* предполагают целенаправленные усилия привести свою деятельность, поведение или образ жизни в соответствие с какими-то внешними обстоятельствами. *Сжиться*, *адаптироваться*, *акклиматизироваться* описывают естественный, в последнем случае даже биологический процесс постепенного приспособления субъекта к новым условиям существования.

1.2.2.2. Характер цели. Синонимичные глаголы *посещать*, *наведывать*, *проведать* и *наведаться* отличаются друг от друга, в частности, по признаку цели визита. Если цель – знакомство с культурными ценностями, выполнение служебных функций, использование объекта, предпочитается *посещать*; если цель – поддержание человеческого контакта, предпочитается *наведывать*; если цель – получение информации о состоянии объекта, предпочитается *проведать*; если приходят с делами или в гости, – предпочитается *наведываться*. *Пишут* (*картину* и т.п.) с установкой на создание произведения искусства, а *рисовать* можно для собственного удовольствия. *Критикуют* и *выговаривают* в целях устранения недостатков; *обличают* с целью показать всем, что объект осуждения обладает коренными и притом неисправимыми недостатками; *порочить* имеет неблагоприятную цель – подорвать репутацию человека без достаточных к тому оснований.

⁹Важность идеи коллективного субъекта для русского языка подчеркивается тем обстоятельством, что в нем имеются грамматикализованные средства ее выражения – циркумфиксы *раз-ся*, *с-ся* в глаголах типа *разбежаться* – *сбежаться*, *разлететься* – *слететься*, префикс *пере-* в глаголах типа *перебывать*, *переболеть* (*Все мои дети перебывали в Париже* ⟨*переболели корью*⟩) и т.п. Впрочем, с меньшей степенью регулярности выражается в русском языке и идея коллективного объекта; ср. префиксы *раз-* и *с-* в составе каузативных глаголов типа *разогнать* – *согнать*, *разобрать* (*книги*) – *собрать*, тот же префикс *пере-* во фразах типа *Она перечитала все французские романы в библиотеке отца, Мвой сын переболел всеми детскими болезнями*, префикс *об-* в составе глаголов типа *обшивать* ⟨*обстирывать*⟩ *всю бригаду* и т.п.

1.2.3. Мотивировки. Мотивировкой *сетовать* является желание поделиться с кем-л. неприятной информацией в расчете на понимание, без ожидания конкретного результата. *Скулят и хнычут*, потому что хотят, чтобы нежелательное положение вещей было исправлено. *Хвастаются* тогда, когда хотят выглядеть как можно лучше в глазах собеседника; *бахвалятся* вследствие неспособности сдерживать порыв самодовольства. Человек *пытается* сделать нечто, когда он заинтересован в выполнении самого действия. *Пробовать* сделать нечто он может и тогда, когда хочет обнаружить, выполнимо ли действие в принципе, принесет ли результат удовлетворение и т.п.; ср. *Он пытался написать стихотворение* и *Он пробовал писать стихи*. Человек *обещает* или *дает слово* сделать нечто, потому что хочет, чтобы ему поверили. Человек *сулит* сделать нечто, потому что хочет, чтобы адресат поверил ему и сделал что-то выгодное для него.

1.2.4. Свойства характера, личности, социальной роли. *Радоваться* может любой человек, а *торжествуют* (по поводу своей правоты) люди, склонные к злорадству. *Восхищаться* может любой человек, а *восторгаются* чаще люди, склонные к экзальтации. *Пишут (картины)* люди с профессиональной подготовкой, а *рисовать* может кто угодно. *Стыдиться* может любой человек; *смущаются* и *конфузятся* чаще робкие, скованные, застенчивые люди.

2. Объект состояния, процесса, действия.

2.1. Наличие объекта. Для *зарисовывать* обязательно наличие объекта (натуры) в момент действия и большая степень сходства между образом (результатом действия) и воспроизводимым объектом. Для *рисовать* не обязательно ни то, ни другое. Для *копировать* требуется образец или оригинал, *воспроизводить* можно и по памяти.

2.2. Физические характеристики.

2.2.1. Свойства объекта. В случае *рисовать* внимание направлено на контуры и формы, в случае *писать* и *малевать* – на цвет. *Пилить* и *грызть* (в значении ‘ругать’) можно только человека; *поносить*, *крыть*, *критиковать* можно людей и социальные институты; *ругать* и *бранить* – людей, социальные институты и даже природные явления (например, погоду). *Употребляют* в качестве инструментов и средств относительно простые предметы, а *применяют* и достаточно сложные, включая аппаратуру для научных исследований. *Пользуются* и свободно манипулируемыми, и стационарными объектами; ср. *Разведчики умело пользовались складками местности, чтобы незаметно подойти к сторожевым постам противника*. *Употреблять* и *применять* стационарные объекты (те же складки местности) нельзя.

2.2.2. Объект или его часть (свойство и т.п.). *Упрекать* и *выговаривать* отличаются от *ругать* и *бранить* тем, что ставят в фокус внимания конкретный не нравящийся субъекту поступок человека, а не самого человека. *Дорожат* объектом в целом, *ценить* объект можно и за отдельные свойства; *Я ценю ваше упорство*, *Он ценит в людях упорство*, *Мы ценим его за его знания*. Ср. невозможность **Я дорожу вашим упорством*, **Он дорожит в людях упорством*, **Мы дорожим им за упорство*.

2.3. Нефизические характеристики.

2.3.2. Свойства объекта. *Надеются* на обычных людей и обычные обстоятельства, *уповают* на могущественных людей или на высшую силу. *Восхищаются* можно глубокими и не бросающимися в глаза свойствами объекта, а *восторгаются* обычно тем, что лежит на поверхности, привлекает внимание необычностью, поражает воображение.

2.3.3. Предназначение или функция объекта. Глаголы *видеть* и *слышать* употребляются во фразах типа *Я видел "Зеркало" ("Гернику", его последнюю книгу)*, *Я слышал Вишневу в "Катерине Измайловой"* (его выступление на вчерашнем собрании), где их значение отличается от значения чистого восприятия. Его можно сформулировать следующим образом: ‘Человек А воспринял сознанием через зрение (через слух)

объект или ситуацию В, предназначенные для того, чтобы доставлять людям удовольствие или сообщать им информацию'. Иными словами, *видеть* и *слышать* обозначают использование информационных объектов в соответствии с их функцией. В пользу отдельности "информационного" значения свидетельствует омонимия фраз типа *Я видел эту картину* (либо 'воспринял зрением', как любой другой физический объект, либо 'воспринял сознанием ее информационное содержание'); *Я слышал разговор за дверью* (либо 'слышал за дверью звуки какого-то разговора', либо 'воспринял сознанием информационное содержание того разговора, который происходил за дверью'). Противопоставление 'просто воспринимать' – 'воспринимать, извлекая из объекта информацию, для сообщения которой он предназначен' представлено и в паре активных глаголов *смотреть* и *слушать*. Ср. *Мы смотрели этот фильм, Мы слушали эту оперу*. Ср. подтверждающую это противопоставление омонимии чисто физического и информационного значения: *Я посмотрел на часы* – либо просто направил на них взгляд (часы могли быть антикварными, подарочными и т.п.), либо взглянул, чтобы узнать время, т.е. удовлетворить свою информационную потребность. Замечательным свойством пассивных глаголов *видеть* и *слышать* является то, что свое "информационное" значение они реализуют исключительно в форме ПРОШ, НЕСОВ в общефактическом значении. Между тем динамичные глаголы *смотреть* и *слушать* не знают никаких подобных ограничений, т.е. обладают полной формальной и полной семантической видо-временной парадигмой (см. об этом [67, с. 68]).

3. Адресат.

3.1. Наличие конкретного адресата. У *жаловаться* он есть, а у *роптать* его обычно нет. У *велеть* всегда есть конкретный адресат, у *распорядиться* его почти никогда нет; ср. *Он распорядился, чтобы все документы были уничтожены*.

3.2. Характер адресата. *Жалуются* и *плачутся* обычно тому, кого считают находящимся в лучшем положении, а *сетовать* можно и обращаясь к товарищам по несчастью. *Советовать* что-то можно любому человеку, а *консультирует* обычно специалист неспециалиста. То же различие представлено в паре *советоваться* и *консультироваться*, с той разницей, что у этих глаголов валентность адресата – первая; близко к обсуждаемому и различие между *советовать* и *рекомендовать*: субъектом рекомендации обычно является человек, обладающий какой-то специальной информацией или знаниями.

3.3. Адресат и аудитория. *Обещают* конкретному адресату; он вводится существительным в форме ДАТ. *Присягать* предполагает большую аудиторию, имя которой вводится предложно-именной группой *перед кем-л.* То же различие представлено в оппозиции *хвастаться*, *хвалиться* (обычно конкретному адресату) и *позировать*, *рисоваться*, *щеголять* (обычно перед аудиторией).

4. Отношения между субъектом, объектом и адресатом.

4.1. Близость. *Обижаются* на близкого человека, *оскорбить* кого-л. может любой. *Разлучаются* с близким, часто любимым человеком, *расходятся* с друзьями, товарищами по общему делу и т.п., *распрощаются* можно и с подчиненным.

4.2. Статусы. *Отчитывают* сверху вниз, *поносить* и *крыть* не несут информации о статусах субъекта и объекта. *Видят* кого и что угодно, *лицезрят* (в неироническом употреблении) обычно важное лицо. *Сердят* обычно того, кто занимает более высокое место в иерархии в возрастной или социальной иерархии (*Внук сердит бабушку*, но не **Бабушка сердит внука*), *злит* же можно всякого.

4.3. Взаимные оценки. *Кичиться* по сравнению с *гордиться* предполагает у субъекта чувство превосходства по отношению к возможной аудитории. Наоборот, *угодничать*, *заискивать*, *лебезить* предполагают субъекта, который всей манерой своего поведения демонстрирует адресату свою второсортность по сравнению с ним, надеясь таким образом заслужить его милость или добиться своих целей.

4.4. Взаимодействие субъекта и объекта. Глаголы *адаптироваться* и *акклиматизироваться* обозначают одностороннее приспособление субъекта к инертной и неспособной к изменениям среде; глагол *притереться* обозначает встречное изменение двух участников какой-то деятельности в результате их активного взаимодействия.

4.5. Совпадение объекта и адресата. В *пилить* и *грызть* (в значении 'ругать') объект осуждения всегда является одновременно и адресатом. Между тем *ругать* и *бранить* можно и за глаза, когда сам объект при этом не присутствует и когда, следовательно, объект осуждения не совпадает с адресатом речевого акта; ср. *Он ругал (бранил) мне своего начальника*. Похожие различия представлены в группе *льстить* (обычно в глаза, т.е. объект похвал совпадает с адресатом речевого акта) и *хвалить* (можно и в глаза, и за глаза).

5. Инструмент и средство. Чтобы *писать*, необходимы инструмент (кисти) и средство (краски), а для *рисовать* достаточно инструмента; ср. *рисовать палочкой на песке*. *Прибивают* с помощью инструмента (например, молотка) и средства (например, гвоздей); чтобы *приклеивать* и *прилеплять*, достаточно средства (например, клейкого вещества); наконец, *прикреплять* можно и без инструмента, и без средства. Для *стрельбы* нужен и инструмент (орудие, ружье, лук) и средство (снаряды, пули, стрелы), для *бомбардировки* и *бомбежки* достаточно средства. *Рубить* без специального инструмента нельзя, а *колоть* (*орехи, сахар*) – можно.

6. Место. У *показаться* и *появиться* в значении 'войти в поле зрения в результате перемещения' есть валентность на место; ср. *показаться (появиться) в дверях (на дороге, на опушке)*. Для *мелькнуть*, *промелькнуть* она факультативна, а у *вывернуться* в сравнимом значении (ср. *Из толпы вывернулся какой-то мальчишка и бросился наутек*) ее нет совсем. *Дождаться* и *подждать* подчеркивает нахождение субъекта в определенном месте (*дождаться в прихожей, подждать в подворотне*), *ожидать* – пребывание субъекта в определенном ментальном или эмоциональном состоянии (*нетерпеливо ожидать открытия бара*).

7. Причины, вызывающие состояние, процесс, действие.

7.1. Наличие причины. *Проистекать* всегда предполагает вполне конкретную причину (ср. *Пожар проистек из-за неосторожного обращения с огнем*), между тем как *происходить*, *случаться*, *получаться* и *выходить* фиксируют только тот факт, что имеет место некое событие.

7.2. Характер причины. Нас *злит* то, что мы непосредственно воспринимаем или воспринимали, а *возмущать* может и то, чего мы сами не воспринимали и знание о чем получили из вторых рук. Ср. *меня злит, что она меня игнорирует* и *Меня возмущает, когда террористов выпускают безнаказанными на свободу*. Мы *полагаемся* на кого-л., потому что у нас есть предшествующий опыт общения с этим человеком, в результате которого у нас возникло доверие к нему. Мы *уповаем* на какого-то человека или божество независимо от предшествующего опыта, исключительно потому, что верим в их мощь. Люди, которые были связаны близкими отношениями, *разлучаются* в результате действия неподвластных им обстоятельств, *расходятся* из-за взаимного несоответствия и могут *распрощаться* друг с другом по инициативе одного из них из-за его недовольства другим.

7.3. Соотношение во времени причины состояния и самого состояния. В случае *стесняться*, *смущаться* и *конфузиться* эмоция и вызывающая ее причина более или менее синхронны, а *стыдиться* можно при воспоминании о плохом поступке через долгое время после того, как он был совершен.

8. Следствия. В случае нарушения *обещания* теряется доверие, в случае нарушения *обязательства* может последовать наказание, нарушение *клятвы* в норме влечет

кару со стороны высшей силы (см. [33, с. 176–178]). Если человека *обвиняют* в чем-то (в неискренности, в неблагодарности), то его ждет какое-то наказание, например, в форме общественного осуждения. Если человека *винят* в чем-то, то это может обойтись без каких-либо последствий для него; в лучшем (или в худшем) случае он может осознать свою ответственность за сложившееся по его вине нехорошее положение вещей.

9. Способ осуществления действия. *Поносят* и *кроют* грубо, не выбирая выражений; *журят* в мягкой форме. *Присягают* обязательно в устной форме, с использованием ритуальных предметов, *обязываются* иногда в письменной форме. *Подлизываются* обычно с помощью каких-то, слов, движений, поступков; *подольщаются* с помощью лстивых высказываний. *Созывают* кого-л., оповещая о предстоящем мероприятии; *сгоняют* принудительными методами.

10. Количественные параметры состояния, процесса, действия.

10.1. Частота занятий чем-л. относительно того, что считается нормой. В случае *повадиться* частота посещений какого-л. места представлена как превышающая норму; ср., в отличие от этого, нейтральные (нормальные) *посещать* и *навещать*. *Посылать* кого-то куда-то можно в соответствии с нормой, *гонять* обычно предполагает частоту, превышающую норму; ср. *непрерывно* (*весь день, то и дело*) *гонять* кого-л. *на почту*.

10.2. Интенсивность. *Мечтать* (в значении ‘желать’) интенсивнее, чем *хотеть*, *жаждать* интенсивнее, чем *мечтать*. *Ликовать* интенсивнее, чем *радоваться*, *страсть* интенсивнее, чем *любовь*, *восторг* интенсивнее, чем *восхищение*. В случае *пристраститься* желание делать что-л. более интенсивно, чем в случае *прихотиться*.

10.3. Глубина. *Радоваться* глубже, чем *ликовать* и *торжествовать*, *любовь* глубже, чем *страсть*, *восхищение* глубже, чем *восторг*. *Ошибка* может касаться несерьезной вещи и быть мелкой, поверхностной; *заблуждение* касается более серьезных вещей и предполагает более глубокое отклонение от истины.

10.4. Охват, масштаб, полнота. Для *радости* достаточно, чтобы произошло одно приятное или желательное для субъекта событие. Для *счастья* нужно, чтобы осуществились все или хотя бы главные желания субъекта. *Обдумывать* предполагает большую полноту учитываемых явлений, *продумывать* предполагает большую глубину анализа.

10.5. Временные характеристики состояния, процесса, действия.

10.5.1. Время существования, количество периодов наблюдения. Желание в форме *мечтать* обычно существует более длительное время, чем желание в форме *жаждать*. Ср. *Я мечтал увидеть вас* (может быть, всю жизнь) и *Я жаждал увидеть вас* (может быть, мы виделись час назад). *Ждать* можно в течение многих периодов наблюдения, в предельном случае – всю жизнь, а *поджидать*, *подождать* – обычно в течение одного периода наблюдения; ср. *Целых десять лет* (*всю жизнь*) *она ждала возвращения мужа из лагеря* и *У дверей проходной женщины поджидали своих мужей*, *Подожди меня у проходной*. *Приноровиться* может обозначать приспособление к чему-л., происходящее в течение одного периода наблюдения (*Постепенно он приноровился к моему шагу*). *Адаптироваться* обозначает более длительный процесс приспособления, который растягивается на несколько или много таких периодов. Ср. также яркие примеры Т.В. Булыгиной (в немного другом терминологическом оформлении) – *нравиться* (может предполагать один период наблюдения, ср. *Вам нравится это вино?*) – *любить* (всегда несколько или много таких периодов, ср. *Вы любите это вино?*); *есть* – *питаться* (см. [68, с. 29, 55]).

10.5.2. Скорость протекания. Процесс *понимать* протекает с нормальной скоростью, процесс *схватывать* – ускоренно, а процессы *доходить* и *допираться* (– Ну

как, дошло, наконец?; Донер?) – замедленно; ср. также *говорить* и *тараторить*, *писать письмо* и *строчить письмо*.

10.5.3. Ретроспективность – проспективность. *Ручаться* и *гарантировать* что-л. можно ретроспективно: *Ручаюсь (гарантирую), что он уже пришел. Обещать и обязаться* можно только проспективно; ср. *Обещаю (обязуюсь) закончить работу в срок* и невозможность этих двух слов в предшествующем контексте. *Надеяться* можно ретроспективно (*Надеюсь, что пальто тебе понравилось (что рассказ пришелся тебе по вкусу)*), а *уповать* – только проспективно.

11. Связь данного состояния, процесса, действия с другими состояниями, процессами, действиями.

11.1. Связь с восприятием.

11.1.1. Конкретная подсистема восприятия. *Чудиться* обозначает впечатление, которое связывается субъектом в первую очередь со слуховым восприятием, хотя допустимо и зрительное, а также некоторые другие. *Мерещиться* обозначает впечатление, которое связывается субъектом в первую очередь со зрительным восприятием, хотя допустимо и слуховое. *Выглядеть* предполагает восприятие преимущественно видимых признаков объекта, а *казаться* – восприятие менее очевидных, более разнообразных и глубоких признаков объекта; ср. *Мальчик выглядел умным* (судя по его глазам, высоте лба и т.п.) и *Мальчик показался мне умным* (судя по его репликам, скорости понимания и т.п.).

11.1.2. Реальность восприятия. *Мерещится* нечто, чего на самом деле нет, что человек физически не воспринимает, а *чудиться* может и то, что есть в действительности; ср. *И дважды опять-таки почудилось финдиректору, что потянуло по полу гнилой малярной сыростью* (М. Булгаков) [действительно потянуло]. *Доносятся* всегда реальные звуки, а (*по*)*слышаться* могут и звуки, которых на самом деле не было.

11.2. Связь с моторикой.

11.2.1. Перемещение. *Ликование* обычно сопровождается двигательной активностью – человек может прыгать, размахивать руками и т.п. *Радость* может переживаться тихо, про себя, без всяких внешних проявлений. Ср. похожее противопоставление в парах *паника – страх*, *ярость – гнев*, *бешенство – возмущение* (левые элементы пар с большей вероятностью сопряжены с двигательной активностью, чем правые).

11.2.2. Мимика. *Обижаться* можно без всяких внешних проявлений, а *дуться* в большинстве случаев предполагает надутые губы. Когда человек *сердится*, он может хмурить брови; если он *досадует*, у него может кривиться рот.

11.2.3. Жесты, голос. *Предупреждая* и *предостерегая*, мы обычно ограничиваемся словами, произносимыми нейтральным тоном. *Угроза* может сопровождаться соответствующим жестом – ритуализованным движением поднятого пальца или сжатого кулака – и форсированием голоса. *Просить* можно без жестикуляции, обычным тоном; *умоляя*, мы складываем ладони, протягиваем руки к адресату, говорим особым молящим голосом или сопровождаем свою просьбу каким-то другим знаком своей беспомощности и веры в могущество адресата.

11.3. Связь с произвольными реакциями тела. Когда человек *боится*, *пугается*, *трусит*, ему может стать холодно, он может побледнеть, у него может начаться дрожь. Когда человек *стыдится*, *смущается* или *конфузится*, ему может стать жарко, его движения становятся неловкими, его лицо может покраснеть, на нем может выступить пот.

11.4. Связь с желаниями.

11.4.1. Наличие желания. *Втянуться*, *приохотиться*, *пристраститься* и *поводиться* предполагают желание делать что-л., а в *привыкнуть* и *приучиться* идея желания не выражается. *Расстаться* можно по желанию одного или обоих участников, *разлука* обычно вынуждается обстоятельствами. *Злиться* может быть как намеренным

(ср. *Перестань злить собаку!*), так и ненамеренным, а *возмущать* в норме ненамеренно.

11.4.2. Конкретные желания. *Ненависть* порождает желание уничтожить объект, *отвращение* – желание удалиться от него. *Страх* порождает желание бежать, *стыд* – желание спрятаться.

11.5. Связь с интеллектом.

11.5.1. Наличие какого-то интеллектуального состояния. В *рассчитывать* и *полагаться* (на кого-что-л.) ведущим является интеллект (логические выкладки или опора на предшествующий опыт), а чувства нет совсем. Между тем в *надеяться* и особенно *уповать* (на кого-что-л.) велика доля чувства. В *стыдиться* преобладает рациональная оценка своих действий или свойств как отклоняющихся от нормы; в *смущаться* и *конфузиться* большую роль играет непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию. Аналогичным образом устроены пары *восхищаться* (преобладает рациональная оценка объекта) – *восторгаться* (большую роль играет непосредственная эмоциональная реакция на объект) и *опасаться* – *бояться* (последнее наблюдение принадлежит В.Ю. Апресян).

11.5.2. Конкретное интеллектуальное состояние или действие (воображение, воспоминание, мнение, понимание, знание). *Вообразить* предполагает опору на фантазию, *представлять* – на мышление, *видеть* (в сравнимом ментальном значении) – часто на память. Ср. *Ученые, не видя, находят звезды и микробы; тот, кто вообразил полет человека, был предтечей авиации* (М. Слоним, О Марине Цветаевой). *Представив всю сложность задачи, он несколько приуныл; Я представил себе... нет, не представил, а вообразил вид Урала с высоты нескольких километров* (В. Катаев, Трава забвения); *Не "как сейчас вижу" – так сейчас уже не вижу! – как тогда вижу ее коротковолосую, никогда не склоненную, даже в письме и в игре трюшечную голову на высоком стержне шеи* (М. Цветаева, Мать и музыка).

11.5.3. Источник знания или понимания. Ср. чисто рациональные *знать*, *понимать*, с одной стороны, и *осенять* (понимание приходит иррациональным, сверхчувственным образом), *озарение* (понимание внушено высшей силой), с другой. *Вера* в человека необъяснима, *доверие* к нему основано обычно на предшествующем опыте общения.

11.6. Связь с эмоциями.

11.6.1. Наличие эмоции. *Жаждать* отличается от *хотеть* тем, что обязательно предполагает сильную эмоцию. Для *хотеть* эмоция совсем не обязательна. В *смущаться* и *конфузиться*, как было сказано, большую роль играет непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию; в *стесняться* входит указание на сдерживаемое желание или нежелательную необходимость сделать что-л.

11.6.2. Конкретная эмоция. *Радость* может сопровождаться легкой грустью, а *ликование* вытесняет из души все другие эмоции. Если близкие люди были вынуждены *разлучиться*, они могут испытывать тоску по этому случаю; если они *распрощались*, они могут испытывать ожесточение. Если человек *обманулся* в ком-то, он может испытывать разочарование, если он *просчитался*, он может испытать досаду. В *сетовать* есть сожаление, что действительность такова, в *роптать* – возмущение, что она такова, в *плакаться* – жалость к себе.

11.7. Связь с речью. Акт осуждения в случае *ругать*, *бранить*, *упрекать*, *укорять*, *выговаривать*, *отчитывать*, *критиковать*, *бичевать* всегда выражается в речи, а *осуждать* и *порицать* кого-л. можно и про себя. Точно так же различаются *обвинять* (всегда речевой акт) и *винить* (не обязательно речевой акт). *Восторг* в большей мере требует выхода в речи, чем *восхищение*. В случае *взорвать* (в значении 'возмутить') обязательна словесная реакция, в случае *возмутить* она возможна, но не обязательна.

12. Оценка говорящего.

12.1. Общая оценка. В случае *плакаться, ныть, хныкать* и *скулить* жалоба считается необоснованной или преувеличенной, а сам субъект представлен как нестойкий и чересчур жалеющий себя. В случае *пилить* и *грызть* (в значении 'ругать') говорящему не нравится немотивированная неотвязность действия, постоянное повторение одного и того же.

12.2. Эстетическая оценка. *Малевать* по сравнению с нейтральным *писать* (*картину*) и *мазала* по сравнению с нейтральными *художник, живописец* выражают отрицательную эстетическую оценку продукта творчества; *шедевр* по сравнению с нейтральным *произведение* – положительную эстетическую оценку. В высказываниях типа *Песчаная дорога извивалась (змеилась, петляла) между кустами* не содержится никакой оценки дороги. В высказывании типа *Тропинка вилась по склону горы* выражается положительная эстетическая оценка тропинки – она представлена как живописная, красивая и т.п.

12.3. Этическая оценка. *Чернить* (в значении 'выражать осуждение') предполагает недобросовестную попытку представить объект как лишенный каких-либо достоинств, а *лакировать* – столь же недобросовестную попытку представить его как лишенный каких-либо недостатков. И то и другое вызывает у говорящего отрицательную этическую оценку. Квалифицируя какой-то речевой акт как *инсинуацию*, говорящий приписывает субъекту нехорошую цель с помощью тонко замаскированной лжи опорочить человека, что, естественно, оценивается как этически недостойный поступок. Та же оценка содержится в значении *замазывать (недостатки)* и, в меньшей мере, *замалчивать (недостатки)*; ср. нейтральное *скрывать*.

12.4. Утилитарная оценка. Когда говорят *Дорога постоянно виляла*, выражают отрицательную утилитарную оценку объекта. Ср. *Райского в природе он там [В. Набоков в Америке] не находит, несмотря на всю ее красоту и даже на то, что может быть в ней похоже на русскую природу. То тропинка "подловато виляет", то в Новой Англии "кислая весна"* (З. Шаховская, в поисках Набокова). Ср. выше *Дорога вьется* – с положительной эстетической оценкой объекта.

12.5. Истинностная оценка. Уверенное *считать* в большей мере претендует на истинность, чем менее уверенное *полагать* и предположительное *думать*. *Казаться* в большей мере допускает ложность впечатления, чем *представляться* и *сдаваться*. В положении ремы при оценке впечатления адресата *казаться* всегда квалифицирует его как ложное, ср. *Тебе это только ¹кажется* (в высказывании о себе в форме НАСТ. указание на ложность снимается даже в положении ремы; ср. *Мне так кажется*). *Представляться* и *сдаваться* в таком положении не встречаются и, тем самым, оставляют идею истинности / ложности впечатления невыраженной. Оба глагола указывают лишь на предположительность; ср. *Мне сдается (представляется), что я где-то его видел*.

13. Наблюдатель.

13.1. Наличие наблюдателя. *Силиться (подняться (открыть глаза, сказать что-то))* предполагает наблюдателя (кто-то видит, как человек делает безуспешные попытки), а *пытаться* и *пробовать* – нет (*Несколько раз он пытался (пробовал) писать стихи*). *Показаться (на дороге)* также предполагает наблюдателя, а *выйти (на дорогу)* – нет. Аналогичным образом путативное *находить* в ряде употреблений предполагает факт непосредственного наблюдения или созерцания предмета мнения. Например, в ситуации, когда женщина смотрит на себя в зеркало, вполне уместно высказывание *Я нахожу себя привлекательной*. Замена *находить* его синонимом *считать*, в других отношениях гораздо более универсальным, в этой ситуации невозможна. *Считать* описывает мнения, формирующиеся в результате серьезной переработки информации и взвешивания различных "за" и "против", а не в ходе

непосредственного зрительного наблюдения объекта. Ср. *Мне столько говорили о моей красоте, что я стала считать себя привлекательной*, где наоборот, глагол *считать* нельзя заменить на *находить*.

13.2. Местонахождение наблюдателя. Предлог *перед* во фразах типа *Перед деревом стоял мотоцикл* помещает мотоцикл между наблюдателем и деревом и существенно ближе к дереву, чем к наблюдателю. Предлог *за* во фразах типа *За деревом стоял мотоцикл* помещает дерево между мотоциклом и наблюдателем, причем расстояние от мотоцикла до дерева представляется существенно меньшим, чем расстояние от дерева до наблюдателя. Глагол *вилять* (во фразах типа *Дорога непрерывно виляла*) помещает наблюдателя непосредственно на пространственный объект, по которому он перемещается (часто на транспортном средстве); в ситуации, обозначаемой глаголом *виться* (*Тропа живописно вилась по склону горы*) наблюдатель смотрит на пространственный объект со стороны или как бы со стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
3. Wierzbicka A. English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney, 1987.
4. Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y., Oxford, 1992.
5. Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
6. Апресян В.Ю. Недавние американские исследования в области эмоций и эмоциональной лексики. // Семиотика и информатика, 1995, Вып. 34.
7. Жолковский А.К. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1964, Вып. 8.
8. Мартмянов Ю.С. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1964, Вып. 8.
9. Щеглов Ю.К. Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1964, Вып. 8.
10. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.
11. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14, Vienna, 1984.
12. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
13. Перцова Н.Н. К понятию "вещной коннотации" // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
14. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // ИРАН СЛЯ, 1994, № 4.
15. Апресян Ю.Д. О новом словаре синонимов русского языка. // ИАН СЛЯ, 1992, № 1.
16. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Образцы словарных статей нового словаря синонимов. // ИАН СЛЯ, 1992, № 2.
17. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Апресян Ю.Д., Ботьякова В.В. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
18. Виноградов В.В. Из истории слова "личность" в русском языке до середины XIX века // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1946, Вып. 1.
19. Bartmiński, J. Założenia teoretyczne słownika // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.
20. Bartmiński, J. Definicja leksykograficzna a opis języka. // Słownictwo w opisie języka. Prace naukowe Uniwersytetu śląskiego. Katowice, 1984.
21. Толстой Н.И. Иван-аист. // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
22. Wierzbicka A. *Duša* ('soul'), *toska* ('yearning'), *sud'ba* ('fate'): three key concepts in Russian language and Russian culture / Ed. by Z. Saloni, *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
23. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев, 1992.
24. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИРАН СЛЯ, 1993, № 1.
25. Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // ВЯ, 1993, № 4.

- 26 *Greenwood T G* International cultural differences in software // Digital technical journal, 1993 V 5 № 3
- 27 *Апресян Ю Д* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика 1986, Вып 28
- 28 *Франк С.Л* Духовные основы общества Введение в социальную философию // Русское зарубежье Л, 1991
- 29 *Зализняк Анна А* Словарная статья глагола *говорить* // Семиотика и информатика 1991 Вып 32
- 30 *Есперсен О* Философия грамматики М, 1958
- 31 *Fillmore Ch* Lexical entries for verbs // Foundations of language International journal of language and philosophy 1968 V 4, № 4
- 32 *Lyons I* An introduction to theoretical linguistics Cambridge, 1968
- 33 *Гловинская М Я* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык и его функционирование Коммуникативно прагматический аспект М, 1993
- 34 *Дмитровская М А* Знание и мнение образ мира, образ человека // Логический анализ языка Знание и мнение М, 1988
- 35 *Зализняк Анна А* *Считать* и *думать* два вида мнения // Логический анализ языка Культурные концепты М, 1991
- 36 *Апресян Ю Д* Синонимия ментальных предикатов группа *считать* // Логический анализ языка Ментальные действия М, 1993
- 37 *Спиноза Б* Избранные произведения М, 1957 Т 1
- 38 *Wierzbicka A* Lingua Mentalis The semantics of natural language Sydney etc 1980
- 39 *Ullmann S* The Principles of Semantics Glasgow, 1951
- 40 *Арутюнова Н.Д* Полагать и видеть (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка Проблемы интенциональных и прагматических контекстов М, 1989
- 41 *Апресян В Ю* *Апресян Ю Д* Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ 1993 № 3
- 42 *Wierzbicka A* Dociekania semantyczne Wrocław, Warszawa, Krakow 1969
- 43 *Wierzbicka A* Semantic primitives Frankfurt-am Main, 1972
- 44 *Wierzbicka A* Lingua mentalis The semantics of natural language Sydney, N Y, 1980
- 45 *Wierzbicka A* The semantics of emotions fear and its relatives in English // Australian journal of linguistics V 10 № 2, 1990
- 46 *Иорданская Л Н* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // МППЛ, 1970 Вып 13
- 47 *Иорданская Л Н* Лексикографическое описание русских выражений обозначающих физические симптомы чувств // МППЛ, 1972 Вып 16
- 48 *Иорданская Л Н* Словарные статьи *бояться восторг восхищать гнев страх* и др // И А Мельчук А К Жолковский Толково комбинаторный словарь современного русского языка Опыты семантико синтаксического описания русской лексики Вена, 1984
- 49 *Iordanskaja L and Mel'čuk I* Semantics of two emotion verbs in Russian *bojatsja* to be afraid and *nadejatsja* 'to hope // Australian journal of linguistics, 1990, V 10, № 2
- 50 *Успенский В А* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика 1979 Вып II
- 51 *Lakoff G Johnson M* Metaphors we live by Chicago, London, 1980
- 52 *Ekman P* Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion N Y, 1984
- 53 *Shaver P et al* Emotion knowledge further exploration of a prototype approach // Journal of personality and social psychology 1987, V 52, № 6
- 54 *Ottony A Clore G L Collins A* The cognitive structure of emotions Cambridge 1988
- 55 *Kovecses Z* Emotion concepts Frankfurt am Main, 1990
- 56 *Pajdzinska A* Jak mówimy o uczuciach? Poprzez analize frazeologizmów do językowego obrazu świata // Językowy obraz świata Lublin, 1990
- 57 *Aprésjan Ju D* Systemic lexicography // Euralex 92 Proceedings I-II Studia translologica ser A, V 2 Part 2 Tampere, 1992
- 58 *Fries N* Emocje Aspekty eksperymentalne i lmgwistyczne, // Wartosciowanie w języku i tekście Warszawa 1992
- 59 *Oatley K* Best laid schemes the psychology of emotions Cambridge, 1992
- 60 *Swanepoel P* Getting a grip on emotions defining lexical items that denote emotions // Euralex 92 Proceedings I-II Studia translologica, ser A, V 2, Pt 2 Tampere, 1992
- 61 *Апресян В Ю* Синонимический ряд слова *бояться I* // Ю Д Апресян, О Ю Богуславская, И Б Левонтина, Е В Урысон Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю Д Апресяна М, 1994
- 62 *Апресян Ю Д* *Ботякова В В* *Латышева Т Э* *Мосягина М А* *Полик И В* *Ракитина В И* *Розенман А И* *Сретенская Е Е* Англо русский синонимический словарь М, 1979

63. Урысон Е.В. Синонимический ряд слова *страх*. / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М., 1994.
64. Fillmore Ch. Frame semantics. // *Linguistics in the morning calm*. Seoul, 1982.
65. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding. // *Quaderni di semantica*, V. 6, № 2, 1985.
66. Fillmore Ch. and Atkins B.T. Towards a frame-based lexicon: the case of RISK / Ed. by A. Lehrer and E. Kittay // *Frames and fields*, 1992.
67. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ↔ Текст" // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1*, Wien, 1980.
68. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982.